

НИКАКИХ
ЗАПРЕТНЫХ
ТЕМ

О Л Ь Г А

ВОЛОДАРСКАЯ

КАЖДЫЙ ДЕНЬ КАК ПОСЛЕДНИЙ

Ольга Володарская

Каждый день как последний

«ЭКСМО»

2014

Володарская О. Г.

Каждый день как последний / О. Г. Володарская — «Эксмо»,
2014

Они все были такими разными... Люди, которых сделал своими пленниками маньяк, скрывавший лицо. Путешественник, мать-одиночка, скульптор, мажор, мошенник, экономист и содержанка – что могло объединять их, кроме уготованной участи? Одного из пленников похититель убил на глазах у других, а у второго вырезал на теле таинственный символ. Остальных он тоже приговорил к смерти, но... Им удалось бежать! Только спасет ли их это? Маньяк остался на свободе, и планы его не изменились. Спустя несколько дней он добрался до бывшего пленника и перерезал ему горло. Теперь их осталось пятеро...

Содержание

Пролог	5
Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	32
Глава 4	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Ольга Володарская

Каждый день как последний

Пролог

«В комнате с белым потолком с правом на надежду...»

Строки этой популярной песни «Наутилуса» безостановочно вертелись в голове. Хотя потолок комнаты, в которой он находился, был черным, а надежды выбраться из нее не имелось вовсе.

Он сидел на стуле, ножки которого были прибиты к деревянному полу огромными гвоздями. К ним, ножкам, в форме перевернутых букв «Т», привязаны его нижние конечности. Грубая веревка обвивала лодыжки, впиваясь в кожу. Запястья закинута за спинку стула рук сцепляли наручники. В таком положении пленник провел очень много времени. Сколько конкретно, он не знал. В комнате с черным потолком не было ни часов, ни окон.

До этого он находился в другой, поменьше, но посветлее. В ней имелось оконце под самой крышей, в которое пробивался свет. Пленник не мог выглянуть на улицу, потому что его держала метровая цепь. Ее длина позволяла ему принимать более-менее удобное положение во время сна и добираться до горшка. Один широкий шаг или два коротких – вот и все, что он мог себе позволить. От окна его отделяло четыре метра.

В этой комнате он провел почти две недели, а если точнее, двенадцать дней. Тот, по чьей злой воле он оказался пленником, трижды заходил к нему. Вносил поднос с едой и водой и менял горшок. Ни лица, ни фигуры узнику рассмотреть не удалось. Человек всегда навещал его ночью, когда в комнате царила кромешная тьма. Визит его длился не более трех минут. Пленник пытался заговорить со своим тюремщиком, спрашивал, кто он, зачем его держит, чего хочет, но тот не устаивал его ответом.

Пленник ничегошеньки не понимал. Зачем его похитили и держат на цепи, как собаку? Ладно бы он был богатым человеком и за него можно было бы потребовать выкуп. Но он самый обычный гражданин. Денег за его голову никто не заплатит. В качестве сексуального объекта его тоже никто не собирался использовать. Как и мучить, что делают маньяки в фильмах ужасов.

Но это не успокаивало.

Потому что неизвестность даже хуже смерти.

Когда он оказался в комнате с черным потолком, ему стало по-настоящему страшно. Говорят, не бывает так плохо, чтоб не могло стать еще хуже. Он только теперь понял, насколько точны эти слова. Находясь в помещении со слепым оконцем, матрасом вместо кровати, горшком взамен унитаза, он думал, что нет места ужаснее. Ан нет. Оно было. И он попал сюда...

Сидя на стуле, недвижимый, воняющий потом и испражнениями, он ждал...

Ждал своего конца, напевая про себя строчку известной песни «Наутилуса».

«В комнате с белым потолком с правом на надежду...»

Часть первая

Глава 1

Он родился в провинциальном городке, население которого составляло двадцать тысяч жителей. Половину из них Паша знал. Не лично, конечно, а в лицо. У него была потрясающая зрительная память. Ему стоило один раз взглянуть на человека, чтобы его внешность отпечаталась в мозгу навеки.

Паша рос пугливым ребенком. Он не ходил в детский сад, с ним сидела прабабушка. Поэтому со сверстниками мальчик общался редко. Только по субботам. Прабабушка (он ее называл баба) пекла в тот день пироги, Паша плохо ел, вот старушка и приглашала соседских мальчишек, чтоб ее внук, глядя на то, как они поглощают ее печиво, тоже поел. А еще перестал дичиться других детей. Но Паша, съев пару пирогов, уходил к себе в комнату, а когда баба отправляла к нему ребят, забивался в угол с книжкой, делая вид, что читает. На самом же деле он просто не хотел общаться с пацанами, которые приходят к нему лишь потому, что хотят пожрать. Паша знал: они его не любят.

В школу идти он не хотел. В пять лет научившись читать, писать и считать, в семь он решил, что делать ему там нечего. Но пришлось пойти первый раз в первый класс! И поражать учительницу своей техникой чтения и знанием таблицы умножения. Паша мог перескочить через класс и сразу после первого пойти в третий. Вроде бы здорово! Скорее школу окончишь. Но как сосуществовать с ребятами, которые тебя старше? Он и с ровесниками-то ладил не очень. Пришлось ему целенаправленно занижать себе оценки. Писал диктанты и контрольные на тройки. В итоге – он остался в своем классе.

Баба умерла, когда Паша перешел в третий. Он отправился в школу, а когда вернулся домой, она лежала бездыханная на полу кухни. На плите догорала кастрюля с супом. Пашиным любимым, картофельным. Он не ел нормальные супы, типа борща, щей, солянки. Мясные бульоны тоже были Паше отвратительны. И бабушка варила для него картофельную похлебку с репчатым лучком, морковью и зеленью. Никто, кроме Паши, это варево есть не мог. Даже баба, росшая в войну. Она говорила, что наелась похлебок в детстве на всю оставшуюся жизнь. Но внуку варила ее в маленькой алюминиевой кастрюльке. Та уже начала пригорать, когда Паша пришел домой и обнаружил бабу мертвой...

После были похороны. Он стоял у гроба, смотрел на заострившееся лицо прабабушки и мысленно взывал к ней... Оживи, оживи! Потому что кроме нее... Хоть и родители есть, а все равно никого... Чужой он им. И только баба его любила, опекала. Отец Паши по командировкам мотался, мать в его отсутствие моталась с подружками по ресторанам (гулящей была, как говорила баба), вот сына на родительницу свекрови и сбагрила. Чтоб не мешал личной жизни.

И вот баба умерла.

Паша вернулся в родительский дом.

Он много плакал первое время. Особенно ночами, когда оставался один. Мать считала его уже достаточно взрослым и оставляла до утра без присмотра. А Паша боялся темноты. Баба знала об этом и включала настольную лампу, а сама ложилась на соседнюю кровать, чтобы мальчик видел, что она рядом. Мать же свет экономила, ругалась, если Паша его по ночам жег, и бросала его постоянно. Отец, когда бывал дома, много пил. Когда один, когда с друзьями, когда с женой. Нет, его родители не были алкоголиками, просто любили повеселиться. Оба никогда не прогуливали работу, не спускали все деньги на водку, прилично выглядели. Но Паша их немного стыдился. Особенно мамы, ярко размазанной, излишне откровенно одетой, шумной, жеманной. Она отправлялась на родительские собрания в таком виде, в каком

посещала кабаки. Потом Паша узнал, что она спуталась с физруком. До отца эта информация тоже дошла, и он подал на развод.

Вскоре мать съехалась со своим любовником, и у Паши появился новый «папа». Вообще-то она хотела сына опять сбегать, да не нашлось желающих взять о нем заботу на себя. Отец в разъездах постоянных, свекровь-вдовица на инвалидности, а других бабушек и дедушек у Паши не было – мать давно осиротела. И ей ничего не оставалось, как оставить ребенка при себе.

Поскольку мальчиком он был неспортивным, общего языка с отчимом найти не удалось. Да Паша и не пытался. Он так привык к своему одиночеству, что стал получать от него удовольствие. Особенно он любил бродить по городку и ближайшему лесу. Став чуть постарше, отправляться дальше – в районный центр. Автобусом или электричкой зимой, на велосипеде летом. Паша мечтал о том, что, когда вырастет, купит машину и объедет на ней всю страну.

Однажды, возвращаясь из районного центра на велосипеде, он угодил под колеса грузовика. Очнулся в больнице. Обе ноги загипсованы, на голове повязка. Врачи говорили, что он легко отделался. Мог бы погибнуть. А что в больнице пришлось два месяца проваляться, а потом еще полгода ходить с костылями – ерунда. Главное, живой.

Паша долго после той аварии приходил в себя не только физически. Еще и морально. У него появился дикий страх перед любимыми видами транспорта. Он шарахался от автобусов, машин, мотоциклов. На велосипед больше не садился. Электричек избегал. И вообще боялся со двора выйти. Только до школы доходил и сразу обратно. С классом он никуда не ездил, ни на экскурсии, ни на туристические слеты. Когда мама отправляла Пашу на молочную кухню (она родила дочь), которая находилась на другом конце города, он чуть не рыдал от ужаса. Каждый поход за молоком был подобен подвигу. Паша преодолевал себя на протяжении всего пути, а придя домой, валился с ног от усталости, потому что не пользовался общественным транспортом, а передвигался пешком.

Будь мать внимательнее к сыну, она поняла бы, что с ним творится неладное. Она же все списывала на переходный возраст и считала, что Паша просто капризничает. Пришлось ему со своими страхами справляться самому. Он помнил, как отец заставлял его вставать на коньки после того, как он упал с них и сильно расшибся. Говорил, страху надо учиться смотреть в лицо. Иначе его не победить...

Паша тогда справился. Ну, почти... Рассекать лед, как раньше, на скорости да змейками, он не смог себя заставить. Но хотя бы просто катался, не замирая от страха при виде льда.

Со своей новой фобией он боролся дольше. Несколько лет. Начинал с малого – садился в автобус и проезжал одну остановку. Или катил на велике до соседнего дома. В конечном итоге смог побороть панический страх. Но Паша не мог до конца расслабиться, передвигаясь в транспорте. Он смотрел на остальных пассажиров, весьма беспечных, и думал о том, что ему, пожалуй, таким не стать. Легкий холодок всегда будет пробираться его изнутри, а ладони потеть при каждом резком повороте...

После девятого класса Паша пошел учиться в техникум на автослесаря, чтобы поскорее получить права. Если он сядет за руль, страх уйдет быстрее.

Он стал прекрасным водителем. Сдал экзамены с первого раза. И никто так и не узнал, чего ему это стоило. Страх вгрызлся в Пашу как гигантский клещ, и требовались невероятные усилия, чтобы ему не поддаться. Он читал, что большая часть скалолазов или парашютистов боится высоты. А забираются на нее, чтобы преодолеть себя. Вот и он так же...

Его забрали в армию сразу после училища. В автороту. Он полтора года возил генерала и не попал ни в одну аварию. Демобилизовавшись, Паша поступил в институт на заочное отделение и устроился на работу. Конечно же, водителем. А в свободное время он увлекался мотогонками.

После института Паша пошел работать на единственный в городке завод наладчиком. Вскоре стал мастером цеха. Женился на милой девушке, заводской бухгалтерше. У них родилась дочка. Жили неплохо, ездили всей семьей на море. На машине, как Паша и мечтал. И вроде бы все было хорошо, но... Чего-то ему постоянно не хватало! Свободы, интереса, азарта? Новых впечатлений? Проб и ошибок?

И в тридцать два года Паша в корне изменил свою жизнь. Он уволился с завода и отправился в бессрочное путешествие по Юго-Восточной Азии. Надо сказать, что семью без средств он не оставил. За победы в мотогонках он получал деньги, переводил их в доллары и откладывал на специальный счет. Копил на яхту. Втайне от жены – она не поняла бы. Но когда он решил уехать, обналичил счет и передал средства супруге. Сказал, трать. Если сможешь меня дождаться, хорошо. Нет – я не обижусь. Она плакала, умоляла одуматься. Ходила к бабке, думая, что на мужа кто-то наслал порчу. Та, естественно, это подтвердила. Взяла деньги за снятие. Но Паша не изменил своего решения и все-таки уехал.

Он знал, что это некрасивый поступок. И крайне безответственный. А еще мальчишеский. Не понятый никем, ни женой, ни дочкой, ни матерью, ни сестрой, ни теми людьми, кто его близко знал, ни теми, кто знал шапочно или только слышал о чудике, отказавшемся от семьи, хорошей работы, стабильности и погнавшемся за химерами. И ладно бы творческая личность. Художник, к примеру, как Гоген. Так нет, обычный технарь. Мастер заводской.

Паша и сам нет-нет да ругал себя. Наверное, нужно было продолжать тянуть свою лямку, как все. И, возможно, будь у него душевная близость хоть с кем-то, он так бы и сделал. Но когда умерла баба, никому не удалось «залезть ему под кожу». Даже дочери. А так хотелось, чтоб близкий человек был как часть тебя. Как кровь, по венам бегущая...

Жену он не любил. Она Паше нравилась, и он понимал, что лучшей супруги ему не найти. Вот и отправился с ней в загс. Она почти тут же забеременела и родила. Паша радовался своему отцовству. Особенно тому, что у него дочка. Будет ласковой, игривой, думал он. Но та росла капризной, сердитой и крайне эгоистичной. Не делилась с другими детьми игрушками, устраивала истерики родителям, если ей не покупали требуемое, гнала прочь тех, кто приходил в гости без конфет. Паша хотел бы любить свою девочку лишь за то, что она его кровь и плоть, но... У него не получалось.

Паше иной раз казалось, что он утратил способность любить! То ли после смерти бабы, то ли авария тому виной... Черепно-мозговая травма – вещь коварная, мало ли что повредилось после нее в голове. Это ведь только в народе говорят, что любят сердцем, а на самом деле мозг – главное...

Наверное.

Он пробыл в Азии два месяца. Загорел до черноты, похудел, перестал есть мясо и хлеб, перейдя на рыбу и рис. Ему стали нравиться азиатки, ласковые лемуры с мяукающими головами. Он многое увидел, чем-то проникся, но решил, что с него хватит, и...

Нет, не вернулся домой, а полетел в Африку. Ему посчастливилось купить копеечный билет до Анголы. Только туда. Паша жил сначала там, потом в Намибии и Конго. Он стал еще чернее и худее. Перестал есть рыбу – она стоила дорого. Питался фруктами, кашами, похлебками. Уже не картофельными, ибо картошку в странах его пребывания не выращивали. Спал с африканками. Иссинья-черными, кудрявыми, сочноротыми, грациозными при любой комплекции, источающими такой сильный запах, что от него кружилась голова.

Потом Паша перебрался на Балканы. Посетил Албанию, Сербию, Македонию. Там он немного поправился, потому что начал есть и рыбу, и мясо, и вкуснейшую сдобу. А еще выпивать, чего раньше не делал. Траварица, сливовица, пелинковац – все это было крепко, но очень вкусно. И Паша принимал пару стопочек за обедом. А вечером выпивал фужер белого сухого вина. И такое умиротворение наступало, что не хотелось даже секса. Хотя с одной женщиной он все же переспал. Она сдавала ему жилье в горном македонском поселке. Вдова, старше его,

но очень привлекательная, смуглая, длинноволосая, с огромными карими глазами, она сама соблазнила Пашу. Они всю ночь занимались любовью, а утром он отправился в обратный путь.

Настала пора вернуться домой!

Родной городок совсем не изменился. Паше казалось, что он из него и не уезжал. Те же рекламные щиты на улицах, те же урны, выщербленные тротуары, лавочки. Те же своры собак – Паша даже узнал пару из них. Тот же сломанный светофор на главной площади. И тот же долгострой – здание поликлиники. Мэр, которого выбрали аккурат перед Пашиным отъездом, обещал за год возвести строение. Но за то время, что Паша отсутствовал, не прибавилось ни кирпичика.

Он не поехал домой, снял номер люкс в единственной гостинице. Решил отойти от перелета, а уж потом наносить визиты. Сначала матери, затем жене с дочкой. Он никому не звонил. Ни разочка. Да у него и телефона-то не было. Но Паша писал им всем. Не часто, и все же. Отправлял открытки с красивыми видами, на обороте чиркал несколько строк. Сообщал, что жив, здоров, делился впечатлениями. Жена ему ни разу не ответила. А вот мама прислала одно письмо. Собственно, из-за него он и вернулся. Она сообщила, что перенесла тяжелую операцию, после которой никак не отойдет. За нее даже письмо дочка писала. От себя просила приехать. Поддержать. То, что Паша получил его, было чудом. Он постоянно перемещался, а почта работала не очень исправно.

И вот он в родном городе. В отеле. В самом лучшем номере. В Африке он отлично заработал. Участвовал в джиппингах, которые устраивались в пустыне. Его на свою машину шейх из Эмиратов посадил, с которым Паша случайно познакомился. И так у него дело пошло, что он выигрывал гонку за гонкой. Шейх предлагал ему остаться. Звал к себе на постоянную работу водителем, но Пашу уже манили другие страны и города, и он покинул Эмираты. Благо деньги на дальнейшие путешествия имелись.

Приняв душ, он набрал материн номер. Голос у нее был бодрый. На вопрос о здоровье она ответила в своей привычной грубой манере: «Не пержу, не кашляю». Хорохорится, решил Паша, потом сообщил матери о том, что скоро придет в гости. Та равнодушно сказала: «Приходи». Как будто не сын ей после долгой разлуки собирается визит нанести, а соседка или коллега по работе. Нет, пожалуй, коллегу мать встретила бы с большим радушием.

Паша знал, что у него ненормальные отношения с родителями. Холодные. С отцом он не виделся вовсе. С матерью крайне редко, даже когда они жили на соседних улицах.

По пути он купил фруктов, соков, корочке, витаминов. Раньше-то он всегда с бутылочкой приходил, мать любила выпить, но теперь ей наверняка нельзя употреблять.

– Ба, наташил-то! – воскликнула мать, встретив его на пороге и приняв из его рук сумки. – Чего там? – Она порылась в пакете. – Фигня какая-то! Лучше б коньячку принес да колбаски сырокопченной. Непутевый ты, Пашка! Мать сто лет не видел и приперся с соком!

– А тебе разве можно выпивать?

– Чего бы и нет? – фыркнула она.

– Ты же операцию перенесла.

– Какую еще?..

Но Паша уже и сам понял, что его дезинформировали. Мать выглядела абсолютно здоровой. Оставалось выяснить, зачем сестра ему соврала.

– Таня дома? – спросил он. Таней звали сестру.

– Да. Где ей еще быть? Заперлась у себя в комнате, фильмы смотрит дурацкие свои. Про вампиров. Совсем с катушек слетела. – Мать зычно крикнула: – Танька, брат пришел!

С сестрой у Паши отношения были такими же, как и с матерью. Когда Таня росла, он был слишком занят собой. Боролся со своей фобией. Таня тянулась к нему первое время, а потом перестала. У нее только с отцом хорошие отношения сложились, но тот ушел из семьи, когда дочке исполнилось десять.

– Привет, – поздоровался Паша с сестрой, открыв дверь в ее комнату. На материн зов она выйти не удосужилась.

– Стучаться надо! – возопила Таня.

– Извини.

– Ты чего вернулся? Мы думали, больше тебя не увидим.

– А ты не рада меня видеть?

– Да мне по фигу, – пожала плечами сестра.

– Ты писала мне письмо?

– Я? – Таня закатила глаза. – С чего бы?

– Просила приехать, чтобы поддержать маму.

– Она в твоей поддержке сроду не нуждалась.

– Странно... – задумчиво протянул Паша. – Кто же мне прислал то письмо?

Он так и не понял этого. Ушел от своих довольно скоро. Думал зайти к жене и дочке, да настроения не было. Знал, что его встретят так же, как мать с сестрой, без особой радости и теплоты. Но он другого и не ждал. Почему те, кого он, можно сказать, бросил, должны радоваться его приезду? Хотя если бы он сообщил, что вернулся насовсем... Возможно, супруга бы и смилостивилась над ним. Сначала, конечно же, была бы с ним холодна, а затем оттаяла бы. Но воссоединиться с ней он не собирался, как и оставаться в России. Когда уходил-уезжал, допускал это. Думал, что, побыв вдали от родных, изведав чужбину, потянется назад. Ан нет, не потянуло. Более того, убраться из города захотелось сразу же, как только он в нем оказался. А с женой и вовсе не встречаться.

Он шел к гостинице, думая о том, что мог бы совсем не возвращаться в родной город. В Россию – да. Паша решил посмотреть Европу, а для этого нужно получить шенгенскую визу. Он не работал и справку о зарплате, необходимую для ее получения, легальным способом добыть не мог, но есть же и нелегальные. За деньги и не такие справки сделать можно.

Размышляя об этом, он двигался в направлении своего отеля. Было уже поздно, темно, но фонари в их распрекрасном городе горели даже не через один... На главной улице было светло, но стоило свернуть с нее, темно хоть глаз коли. Паша сошел с тротуара и направился во дворы. Он знал город великолепно. Зрительная память плюс тренировка воли – он объездил на велике все дворы, пока не осмелился выкатиться на тротуары главной улицы и дороги, по которым носились машины.

Паша шел по пустынному двору. Погода стояла паршивая, на улице ни души. Только один прохожий попался ему на глаза. Он шел, засунув руки в карманы удлиненной куртки. На голове капюшон. Паша еще ему позавидовал. Сам-то он был одет легко, в джинсы и ветровку. Отвык на чужбине от холодов, вот и не удосужился утеплиться. А меж тем ветер просто сносил, да еще и накрапывало.

Прохожий нагнал Пашу. Он вырулил из подворотни, затем шел чуть позади и вот поравнялся с ним. Павел притормозил и посторонился, чтобы пропустить незнакомца вперед – тропка была узкой. Вдруг тот резко выдернул руку из кармана. В ней что-то блеснуло. Паша подумал, это нож. Решил, что на него напал бандит и сейчас будет грабить. Но незнакомец хоть и воткнул ему в руку что-то, но явно не лезвие. Похоже, иглу...

Павел ощутил боль, понял, что она от укола, а потом почувствовал, как мутится сознание. Десяти секунд не прошло, как оно выключилось. Паша упал бы, да его заботливо подхватил незнакомец в куртке и отволок в подворотню, где был припаркован старый «каблук» с заляпанными грязью номерами. Бесчувственного пленника закинули в кузов, и машина тронулась с места...

* * *

Паша очнулся и, разлепив веки, поднял тяжелую голову. В помещении, где он находился, было светло. Мощная зарешеченная лампа, прикрепленная к стене, ярко горела, отбрасывая блики на черный потолок. Паша сощурился – глазам было больно. Однако закрывать их совсем не стал. Хотелось рассмотреть все: и комнату, и людей...

О да, он находился здесь не один!

Трое мужчин и три женщины сидели на стульях с высоченными спинками, вбитых ножками (в форме перевернутых букв «Т») в деревянный пол. Руки каждого были сцеплены за спинками стульев наручниками. Ноги примотаны к ножкам. Рты у всех заклеены пластырем.

Стулья располагались кругом.

«Мы как рыцари Камелота, – подумалось Паше. – Короля Артура только не хватает...»

Один из пленников поднял опущенную на грудь голову и посмотрел на него затуманенными глазами. Некоторое время взгляд был совершенно пустым и вдруг наполнился болью. Из глаз потекли крупные слезы. Они стекали по впалым щекам и терялись в неухоженной светлой бороде. Волосы мужчины спутались, засалились. Одежда стала невероятно грязной. На брюках, в районе промежности, запеклись пятна, о происхождении которых нетрудно было догадаться – пленник явно ходил под себя несколько раз.

Остальные выглядели получше. За исключением белокурой девушки. Она хоть и была в чистой одежде и с более-менее аккуратной прической, но вид имела совершенно больной. Глаза как у кролика красные, кожа в пятнах. Аллергия, решил Паша.

Девушка эта сидела напротив него. Рядом с ней другая, русая, невысокая. Она спала, дергаясь, как в конвульсиях. Ей снилось что-то страшное. По другую руку от блондинки находился молодой мужчина в дорогой одежде. Теперь она стала грязной и мятой, но Паша разбирался в вещах и понял, что за них когда-то были заплачены немалые деньги. Темные волосы пижона растрепались. Некогда аккуратные бакенбарды слились с недельной щетиной. Мужчина был красив даже в своем нынешнем виде, только очень измучен.

То же самое можно сказать о третьей девушке, ярко-рыжие волосы которой спускались до талии. У нее были зеленые кошачьи глаза, маленький носик, точеные скулы. Настоящая Анжелика, маркиза ангелов. Наверняка под пластырем скрывает очаровательно пухлый ротик. А под мешковатым, заляпанным кровью свитером – пышная грудь. «Анжелика» выглядела самой бодрой. Она держалась прямо, вертела головой, как и Паша, рассматривая комнату и людей. Возможно, она попала в это странное и, безусловно, страшное помещение с черным потолком одновременно с ним или чуть пораньше.

Вдруг брюнет с большими залысынами, что сидел справа от Павла, зарычал и начал биться. По всей видимости, он пытался вырваться. И не первый раз. Павел понял это, рассмотрев его запястья. Они были истерзаны наручниками. Никто на его действия не обратил внимания. Только «Анжелика» покосилась на лысого и тут же перевела взгляд на Павла. В нем читался вопрос.

– Что? – спросил он. И только тут понял, что он единственный, у кого не заклеен рот. – Ты давно тут? – спросил он у «Анжелики».

Она покачала головой.

– А ты? – он обратился к замученному блондину.

Ответ был положительный.

– Сколько?

Тот нахмурился, как бы говоря: каким образом я тебе отвечу, чудак-человек?

– Моргай, – подсказал Паша. – Сколько дней, столько раз моргни.

Блондин смежил веки раз, другой, третий...

Паша досчитал до пятнадцати, потом его визави пожал плечами. Наверное, это означало, что точное число дней он указать затрудняется.

Сосед снова принялся рычать и биться... И тут... Погас свет!

Тьма накрыла их.

И вдруг... Музыка!

Паша не особо разбирался в классике, но ему подумалось, что это Бах. Звук сначала был просто громким, потом стал нарастать, нарастать, нарастать... Пока не стал оглушительным. Музыка терзала барабанные перепонки. Казалось, она вгрызается во внутренности, и каждый аккорд был как смертельный укус.

Паша закричал. Но его голос утонул в звоне литавр.

...Музыка стихла так же неожиданно, как и зазвучала. И теперь тишина стала давить на уши. Но к ней Паша привык быстрее.

Включился свет. Но не тот, яркий, что горел раньше. Тусклая лампочка, болтающаяся над дверью, обшитой железом. Ни лампочку, ни дверь Паша раньше не заметил. Наверное, потому, что они находились за его спиной, а он не успел обернуться. Теперь же он это сделал, потому что услышал шумное дыхание.

Между дверью и его стулом стоял человек. Выглядел он странно и страшно...

Впрочем, кто еще мог войти в эту комнату с черным потолком?

Одет человек был в костюм химзащиты цвета хаки. Капюшон натянут на голову. А на лице противогаз. Поэтому дыхание казалось столь шумным.

«А вот и король Артур, – неуместно пошутил про себя Паша. – С мечом...»

Под мечом он подразумевал нож, что вытащил страшный человек из одного из многочисленных карманов комбинезона. Медленно, останавливаясь после каждого шага, он обошел по кругу комнату. Передвигался за спинами своих пленников, задерживаясь у каждого стула на одну-две минуты, дыша им в затылки.

«Да нет, он не Артур, он Дарт Вейдер!¹» – снова сострил Паша.

Это была его привычка: шутить, когда очень страшно. Так пошло со времен борьбы с фобией. Юмором он отвлекал себя. А потом и других, чтобы не поняли, в каком состоянии он пребывает. Среди гонщиков он слыл первым острословом. А сколькими шутками засыпал шейха, когда они на джипе посреди пустыни перевернулись и сутки ждали помощи! После чего тот его к себе на работу и позвал.

Но тогда, конечно, Павел испытывал не такой ужас, как сейчас. Поэтому быстро иссяк. И вместо очередной остроты его мозг выдал вой, похожий на волчий. А все потому, что человек с ножом, сделав полный круг, вновь вернулся на исходную позицию.

«Значит, я буду первым, кого прирежет этот маньяк, – прервав вой, сказал себе Паша. – И рот мне не заклеили, чтобы все слышали, как я ору, умирая...»

– Ну что застыл, Дарт Вейдер? – хрипло прокаркал он. – Мочи давай. Только лучше световым мечом, а не этой зубочисткой...

Блондинка, сидящая напротив, посмотрела на него с ужасом. Паша подмигнул ей.

«А ведь мог умереть красиво! Разбиться на машине или сорваться со скалы! – На Балканах он едва не погиб, взбираясь к заброшенному монастырю. – Да лучше б в пустыне от жажды умер, чем тут... вот так... на потеху какому-то маньяку!»

Но человек с ножом сдвинулся с места и возобновил свой обход. Теперь он останавливался около каждого пленника не просто так, а чтобы сорвать кусок пластыря с его губ. Когда очередь дошла до мужчины с залысинами, он исторг изо рта поток брани. Ругался так остервенело, что слюна, брызжащая изо рта, долетала до Павла.

¹ Главный герой киноэпопеи «Звездные войны».

А маньяк тем временем пошел на третий круг. Добрался до блондина с многократно обгаженными брюками. Взял его за волосы рукой в резиновой перчатке. Взял не грубо, а ласково. Так треплют по волосам родители своих малышей. Только этот жест не успокоил блондина, а заставил задрожать.

– Пожалуйста, – прошептал он, крепко зажмурившись. – Пожалуйста, не надо...

Пальцы резко сжались. Взяв волосы в горсть, маньяк запрокинул голову блондина и полоснул по его шее лезвием. Кровь брызнула из раны. Попала не только на руку убийцы и на грудь жертвы, но и на пол, и на лицо сидящей рядом девушки с аллергией. Она вскрикнула, потом зарыдала и, кажется, потеряла сознание.

Еще один взмах ножа. Теперь лезвие вонзилось в грудную клетку жертвы. Раз, другой, третий!

Кровь так и летела во все стороны, а крики свидетелей убийства наполнили комнату. Паша не сразу понял, что в хоре общих голосов звучит и его собственный.

Когда тело блондина перестало дергаться, маньяк снова погладил его по волосам и двинулся к двери. Нож так и остался торчать в груди жертвы. И теперь стало видно, что его рукоятка выполнена в форме тела льва, приготовившегося к прыжку. Ее венчала оскаленная пасть.

Убийца передвигался не так медленно, как ранее, но и не быстро. Он снова сунул руку в карман и на сей раз вынул из него опасную бритву. Поигрывая ею, он направился к двери. Когда он зашел за спину Паши, тот почувствовал, как волосы на его затылке встают дыбом. Напряжение было настолько велико, что его вырвало. Едва не захлебнувшись собственной блевотиной, Павел подумал о том, что впервые ему на ум не идет ни одна острога. Потому что так страшно ему еще никогда в жизни не было...

Он видел смерть. И не раз. Его хороший знакомый разбился на его глазах. Во Вьетнаме утонул в бурной речке ребенок. А в Конго какой-то ненормальный изрешетил пулями хозяина лавки, в которой Паша покупал овощи себе на ужин.

Он видел смерть...

Но то, что произошло на его глазах минуту назад... Это было совершенно другое.

Кадр из фильма ужасов, в который Паша попал...

И скоро наступит эпизод, когда жертвой будет ОН!

Паша весь окаменел, ожидая прикосновения маньяка. Раз вынута бритва, значит, ею будет перерезано еще чье-то горло. Но убийца, постояв некоторое время за его спиной, двинулся к брюнету с залысынами. В приглушенном свете лампы тускло блеснуло острое лезвие. Это маньяк взмахнул им, чтобы...

Нет, не убить еще одного пленника, а вырезать на его шее какой-то рисунок. Паша видел, как он жестом художника, уверенными «мазками» наносит его на человеческую кожу. Брюнет кричал от боли, но не дергался, потому что боялся, что лезвие войдет глубже, и тогда...

Маньяк быстро закончил и без промедления вышел за дверь. Она закрылась тихо, хотя Паша почему-то думал, что послышится скрип.

Секунду в помещении стояла гробовая тишина. Но потом в нем раздались звуки похоронного марша.

Глава 2

Когда траурный марш отыграл, погас свет, но лишь мгновение в комнате было темно. Сразу же зажглась огромная лампочка, наверное, для того, чтобы пленники лучше рассмотрели труп.

– Почему нам опять не заклеили рты? – спросила хрупкая русоволосая девушка тонким голоском.

– Значит, сейчас будут кормить или поить, – отозвался «бесноватый». Лида так прозвала мужчину с черными редкими волосами, которого минуту назад порезал убийца.

– Кормят и поят обычно без света, – подал голос красивый парень в рубашке от «Армани». У последнего Лидино «козлика» была точно такая же, но сидела она на нем хуже.

– А тут еще и кормят? Да я в санаторий попал, оказывается, – хмыкнул остряк, обзвывая их похитителя Дартом Вейдером. Он кривил рот в усмешке, а у самого глаза были как у коровы, которую ведут на бойню. Лида знала, какие они у них бывают. Работала на мясокомбинате. Врут, что животные ничего не чувствуют. Чувствуют, и еще как. И столько в их глазах ужаса и тоски, когда их ведут на смерть...

– Чтобы не загнулись раньше времени, – ответил красавчик.

– И давно ты тут? – спросил остряк.

– Неделю, может, чуть меньше или больше на день-два. Точно не знаю. Часы с меня сняли. Один раз мне давали кашу. Ел с руки, как собака. Жрать-то хочется...

– Меня не кормили ни разу, – решила принять участие в беседе Лида.

– Ты здесь недавно. Как и он, – красавчик кивнул на остряка. – Дольше всех покойник. За ним появился он. – Подбородок дернулся в сторону «бесноватого». – То есть когда я очутился здесь, эти двое уже сидели на стульях. Но меня раньше в другом помещении держали. Там я один был.

– Меня тоже, – подхватил «бесноватый». – Неделю, не меньше. Но там хоть горшок был, и я не ссал себе в штаны, как бомжара... – И снова мат.

– И там не опаивали снотворным, – слабо проговорила блондинка с устрашающими красными пятнами на лице и груди. – А тут всякий раз нам его добавляют в воду. Мы засыпаем, а когда просыпаемся, в комнате появляется еще один пленник.

– Откуда ты знаешь про снотворное? – поинтересовалась Лида.

– У меня на него аллергия.

– Что с нами будет? – прошептала русоволосая, подняв свои огромные, полные слез глаза и обводя ими лица пленников. – Нас всех перережут, как Жору?

– Ты знала покойника? – встрепнулся остряк.

– Мы жили в соседних домах когда-то. Дети вместе играли. Можно сказать, дружили. Потом потерялись... И вот... через столько лет тут... – Она не смогла договорить, расплакалась. Но сразу же вернулась к вопросу, который задала в самом начале. – Почему нам не заклеили рты?

– Маньяк хочет послушать, о чем мы разговариваем? – выдал очередное предположение красавчик в «Армани».

– Ты думаешь, тут есть микрофоны?

– Возможно.

– Скорее, камеры, – подала голос блондинка.

– Нет, камер нет, – покачал головой «бесноватый». – Я уже изучил помещение.

– Может, скрытые? – предположил остряк.

– А смысл их устанавливать?

– Чтоб мы думали, что их нет.

– Не знаю, возможно...

– Если нет камер, – продолжал стоять на своем остряк, – то какой смысл устраивать спектакли? С музыкой и постановочными сценами в стиле «саспенс»...

– Каком стиле? – не понял «бесноватый».

– Саспенс – неопределенность, тревога, напряженное ожидание, если с английского перевести, – пояснил красавчик. – Любимый стиль Хичкока. В его фильмах всегда нагнетался ужас чуть ли не до самого финала.

– При чем тут Хичкок и его картины? – возмутилась Лида. – Наш режиссер ставит сцены в стиле «саспенс» не для зрителя, а для себя. Он наслаждается увиденным вживую, а не на экране.

– И все же, думаю, камеры есть, – гнул свою линию остряк. – Причем все записывается и пересматривается...

– Боже, слышали бы вы себя! – с надрывом произнесла «птичка». Русоволосая барышня с тонким голоском напоминала Лиде воробушка. И масть та же – серенькая. И голосок «чирик-чирик». Даже сейчас, когда он срывается. – Перед вами труп, а вы про Хичкока! Еще обсудите «Камеди клуб». Вон у вас и резидент есть!

Все поняли, о ком она. А вот ее агрессию – нет. К тому же претензия была необоснованной – пленники пытались разобраться в происходящем. А что немного отвлеклись, так это нормальное течение разговора...

Пусть и при трупe!

– Кто-нибудь видит, что у меня на шее? – спросил «бесноватый» после того, как обозвал русоволосую истеричкой. Естественно присовокупив к существительному матерное прилагательное.

– Я пытался рассмотреть, – откликнулся «резидент Камеди». – Но не получилось.

– Больно, – поморщился «бесноватый».

И тут снова заиграла музыка. На сей раз лирическая. Лида узнала ее. «Лунную сонату» Бетховена. Она обожала ее. Даже научилась играть на фортепиано. Пела прекрасно, а вот музыкальными инструментами не владела.

Музыка стала усиливаться. Но до ломоты в ушах не дошло. Соната звучала просто громко. И пленники перестали разговаривать. Тем более потух свет, и они не видели друг друга...

Лида откинула голову на высокую спинку стула и погрузилась в воспоминания.

...Все маленькие девочки мечтают быть принцессами. Лида не была исключением. Она представляла себя с короной, в пышном платье со шлейфом, вышагивающей по огромному залу, залитому светом множества свечей. Или сидящей на троне в мантии, обязательно с меховой оторочкой, благосклонно принимающей дары послов разных держав. А чаще – танцующей с принцем неземной красоты, то с лицом комиссара Катани из «Спрута», то Юры Шатунова. То похожим на Арамиса из «Трех мушкетеров», то на принца из «Трех орешков для Золушки». То на Ваньку Чкалова, ее соседа по парте, то на Серегу Поцака, десятиклассника, который был почти как Шатунов, только лучше.

Перед тем как уснуть, Лида рисовала в воображении эти картины. И очень радовалась, если видала их, когда Морфей заключал ее в свои объятия. Вот только просыпаться ей не хотелось! Ведь в реальной жизни никакой принцессой она не была. Лида родилась в семье шлюховатой скотницы и пьющего пастуха. Они ютились в половине деревянного дома, выделенной им колхозом. Отец всю свою зарплату спускал на выпивку, так что питались и одевались они втроем (чуть позже вчетвером, когда у Лиды сестра появилась) на мамину. Ее, конечно, не хватало. Спасало хозяйство. Овощи с огорода, яйца из-под несушки, молочко коровье, сальце свиное, требуха (мясо сдавали). Не голодали, в общем. Разве что иногда, когда у отца зарплата

кончалась. В этих случаях он брал из дома все, что можно продать, и тащил на автотрассу, чтобы толкнуть проезжающим по ней за копейки.

Когда мама родила сестру, все заботы об огороде и скотине легли на хрупкие плечи шестилетней Лиды. За день она так уставала, что еле добредала до кровати. Но уснуть сразу не получалось. Потому что никакого покоя не было. Орет пьяный отец, мать на него ругается, плачет сестра. И запах в доме такой... Что б-р-р-р-р... Перегар, пот, моча и... дух скотного двора. Он не оставлял их жилище. Его приносили с собой все: мать, отец и Лида, много времени проводящая в хлеву. Зарывшись в одеяло, чтоб не слышать и не обонять, девочка закрывала глаза и представляла себя принцессой. В платье со шлейфом, в короне, мантии...

Вышагивавшей по дворцу, сидящей на троне, танцующей с принцем...

О том, что младшая дочь не от него, отец догадался сразу, как только ее увидел. Девочка не походила ни на него, ни на мать. Зато сильно смахивала на механизатора Кузина. А уж как подрастать начала, так сходство только усилилось. И папашка устроил супруге допрос с пристрастием. То есть пьяный бил ее до тех пор, пока она не призналась. После этого батя допил остатки водки и ушел. Куда, никому не сказал. Да это и не волновало ни жену, ни дочек. Убрался, и ладно. Волноваться они стали, когда глава семьи не появился ни на второй, ни на третий день. Пошли по деревне его искать. Не нашли. К участковому хотели уже обратиться, заявление написать, да мать обнаружила, что пропали отцовский паспорт и деньги, отложенные на покупку зимней обуви для девочек. Значит, сбежал он от них. Куда, неизвестно.

Без папашки, по мнению Лиды, им зажилось гораздо лучше. Денег и помощи от него все равно никакой. Одни проблемы. Но мама расстраивалась. Плакала, утирая свои подбитые супругом глаза. Считала себя брошенкой. Однако это не помешало ей через две недели привести в дом другого мужчину – механизатора Кузина.

Вскоре Лида пошла в школу. Отучилась четверть, когда ее решили отправить к тетке в город. Мешала она матери и ее новому сожителю. У них была общая дочка. Еще ребенок на подходе. А тетка одинокая. Больная, хоть и не старая. Ей помощь нужна. А Лида девочка работающая, ответственная...

Сама работающая и ответственная девочка была не прочь переехать. Ей очень хотелось пожить в городе. Он представлялся ей сказочным, почти таким, как в ее снах. Дворцы там совершенно точно есть. Не то что в их деревне, где самым красивым строением являлся клуб, бывшей некогда дачей обнищавшего помещика.

И Лида поехала в город!

Тетка встретила ее на вокзале. Тощая, желтая, страшная. На вид лет шестьдесят, хотя на самом деле – сорок четыре.

До дома тетки они ехали на автобусе. Лида смотрела в окно и ахала. Ей все нравилось! Хотя городок был небольшой, но по сравнению с их деревней – огромный. А дома в нем большие. Три девятиэтажки даже имелись. Не говоря уже о пятиэтажках. А на главной площади – настоящий дворец. Пусть и не старинный, построенный в сталинские времена (тетка просветила), зато со статуями, колоннами и белоснежной лестницей, по которой Лида, даже будучи принцессой, не побрезговала бы подняться.

Квартира тетки оказалась тоже неплохой. Улучшенной планировки, на пятом этаже. С балкона вид на площадь. Смотри на дворец и представляй себя в платье со шлейфом, который, как водопад, ниспадает вниз, струясь по ступенькам.

В городке было две школы, не считая специальной, с английским уклоном, куда обычных детей не брали, только блатных. Ее отдали в ту, что ближе к дому. И находилась она через дорогу. Лида диву давалась. Как это так? В школу не надо ехать на чем-то. Вышел из дома, можно даже без одежды, сделал пару десятков шагов, и вот ты уже в холле.

Одноклассники, после того, как Лида рассказала им о себе, ее высмеяли. Оказалось, она говорит «окая». И одета ужасно. А еще ее руки все в цыпках и лицо обветрено. «Колхозница» –

так прозвали Лиду одноклассники. И дразнили ее так до конца года. Но после летних каникул... О! Как все изменилось!

Лида выиграла песенный конкурс и в качестве приза получила путевку в детский и юношеский лагерь «Артек». Впервые съездила на море. Научилась плавать. Познакомилась с детьми из разных городов и даже стран. Загорела до черноты. Выменяла у девочки из Польши футболку с надписью «Голливуд» и кучу ярких заколок (взамен та получила матрешку и книжку про Буратино – все равно Лида не любила читать), остригла волосы под каре (вожатая отлично владела ножницами) и высветлила челку. Краска для этого не понадобилась. Просто отваром ромашки мочила волосы, подставляла их солнцу, и они выгорали.

Вернулась Лида в городок такой модницей, что ни у кого язык не повернулся ее «колхозницей» назвать. В нее тут же повлюблялись все мальчики класса. И даже несколько пацанов, что учились в третьем. Девочки возжелали с Лидой дружить, и все у нее наладилось.

Но это только в школе. А вот дома!.. С теткой Лида плохо ладила с самого начала, чем дальше, тем хуже. Женщиной тетка оказалась невыносимо капризной. И крайне мнительной. Лиде даже казалось, что все болячки она себе придумала, поверила в них, и организм стал пошаливать под воздействием обратного эффекта плацебо. Племянница вынуждена была слушать постоянное нытье, придирки и выполнять всю работу по дому. Она ощущала себя Золушкой, только без крестной феи. Но все равно обратно в деревню категорически не хотела. Даже в гости ездила через силу. Впрочем, ее не так часто и звали. Разве что на лето, чтобы в огороде помогала. Но Лида, вкусившая радость «культурного» отдыха в «Артеке», решила, что каникулы будет проводить не на грядках, а у моря или хотя бы у речки. Так как тетка на загородные лагеря раскошелиться не собиралась, то Лида записалась в разные кружки и секции. А еще в ансамбль народных танцев. Лучших участников часто поощряли путевками. А танцоров на целый месяц всем составом вывозили на турбазу «Озерная». В итоге Лида выезжала в лагерь регулярно. Вот только времени ни на что не хватало. Особенно на учебу. Так что, кроме троек, в табеле у Лиды были пятерки только по музыке и физкультуре.

В четырнадцать она стала девушкой. Поздновато. У других уже в двенадцать месячные пришли, а у одной девочки из их класса аж в десять. Лида же запоздала. Зато расцвела быстро и так пышно, что ею восторгались не только парни, но и мужчины. А девушки и женщины – завидовали. Тетка в том числе. Она всегда была неказистой. А по словам матери, страшной, как смертный грех. Поэтому никто ее замуж и не взял. И от неудовлетворенности (мать употребляла другое слово, позабористее) у ее сестры развилась неврастения и куча других заболеваний. А еще стойкая зависть к более привлекательным представительницам своего пола. Лида не очень-то матери верила, пока сама с этим не столкнулась. Когда они с теткой за покупками ходили, на Лиду мужчины заглядывались. А кто и заигрывал, и познакомиться пытался. Так тетка чуть не с кулаками на них бросалась. А потом для племянницы находила такую кучу дел, чтоб у той на личную жизнь ни секундоочки не оставалось.

Совсем заела Лиду старая дева. И тут произошло чудо! Объявилась... крестная фея! А вернее, фей. Ее отец. Все думали, что умер он давно. Погиб в пьяной драке или траванулся чем-то. А оказалось, он жив-здоров. Бомжевал долгое время, таскался черт знает где. Пока не прибил к одной вдове. Она дачу на лето снимала. А он в ее сарае уснул, пьяный да сильно побитый. Женщина пожалела его, выходила, накормила и оставила у себя жить. Не в доме, конечно. В сарае. За постой заставляла платить. Не деньгами, их у него не было, услугами. Просила огород полить, забор выправить, дров нарубить. Именно просила, не требовала! Но одно условие поставила: живет он у нее до тех пор, пока трезвость сохраняет. Как напьется, вон пойдет. Потому что у нее сын-подросток. Ему дурные примеры ни к чему.

Пару раз отец не сдержался. Принял на грудь. Но дозы были небольшие, и хозяйка не заметила этого. Или сделала вид. Зато в одну ночь, когда сын с товарищами в поход ушел, так его отлюбила, что у мужика будто второе дыхание открылось. Захотелось совсем других радо-

стей. Плотских. Да не абы с кем, а со своей хозяйшккой. По нраву она пришлась ему. Всегда о такой мечтал. Чтоб дородная, с огромной грудью, полными, ласковыми руками и маленькой ножкой тридцать пятого размера. Жена другой была. Стройной, жилистой, с крупными конечностями. Модель настоящая. И, бесспорно, красавица. Но не его. Да еще и дура. И шлюха. И хабалка. А хозяйшкка – женщина спокойная, образованная, интеллигентная. Завуч в школе. А сколько в ней любви нерастраченной. Муж-то ее бросил давным-давно. Она постарше отца была...

Осенью, когда каникулы кончились, они все втроем в город уехали. Стали вместе жить. Отца пристроили в школу слесарем. А кроме этого, он еще и подрабатывал. Как бухать перестал, так силы в нем скопилось немерено. Фуры и вагоны разгружал. А потом хозяйшкку свою до утра любил. За это она ему прощала редкие пьянки. Совсем не мог он от них отказаться. Душа требовала иногда отрыва. Но папашка не грубил. Пару дней пил, потом все, шел в завязку.

Несколько лет прожили они с хозяйшккой, пока не надоумила она его отыскать дочку. Других-то детей уже не будет. Сама она рожать более не собиралась. Вот и отправила гражданского супруга в родную деревню. Думала, Лида там, с матерью. Отец, когда приехал, выяснил, что нет ее, к тетке в город сослана. Зато у жены новый хахаль. Не Кузин, другой уже. И детей, кроме Лиды, трое. Все девочки.

Отыскал папаша дочку свою. Такой красоткой выросла, глаз не оторвать. И взрослая! Не скажешь, что пятнадцать. Все двадцать дашь. Забрал он ее с собой.

Лида счастью своему не верила. Мало того, что от злобной тетки забрали, так еще перевезли в огро-о-омный город! Пусть не Москва, не Питер, даже не Самара или Уфа, а все равно пятьсот тысяч жителей. Лиде, жившей в деревне и маленьком городишке, он казался мегаполисом.

Но не это поразило ее больше всего. А сын папиной гражданской жены Глеб. Он учился в институте. Занимался спортом. А еще отлично играл на гитаре. Лида, хорошо поющая, сразу нашла с ним точки соприкосновения. Музыка, вот что их объединило. Только она. Потому что Лида была полной душой по сравнению с Глебом. Впервые она пожалела о том, что плохо училась и не читала книг. А так хотелось блеснуть перед парнем эрудицией. Продемонстрировать свой ум, а не только ножки. От Лиды не укрылось, что они на него произвели впечатление. Да кому бы не понравились длинные стройные ноги с гладкими коленками и изящными щиколотками?

А вот Лиде Глеб не только внешне нравился. Он казался ей необыкновенным. Исключительным. Самым лучшим. Настоящим принцем!

У него были девочки. Много девочек. Некоторых из них он приводил домой. Мать не возражала. Когда сын закрывался с ними в своей комнате, она им не мешала. А вот Лида постоянно колотила в дверь, чтобы задать Глебу какой-нибудь дурацкий вопрос или попросить о чем-то. Напомнить о себе, а главное – сломать кайф. Ведь ясно, чем он там взаперти занимается... Целуется! А то и что похуже делает! Один раз, когда Глеб не среагировал на ее действия, Лида подсунула под дверь зажженную петарду. Потом ей, конечно, досталось! Но это не имело значения. Главное, она помешала Глебу миловаться с девушкой, которую Лида считала своей главной конкуренткой.

Тогда-то все и поняли, что она по уши влюблена. И насторожились. Особенно мать Глеба. «Присматривай за ней! – наказала она своему гражданскому мужу. – Еще не хватало, чтобы твоя вертихвостка охмурила моего мальчика!» Она была уже не рада, что настояла на воссоединении отца с дочкой. Лида ей не нравилась. Она считала ее пустышкой. Хорошенькой дурочкой, которая если и сможет чего-то в жизни добиться, то только через постель. Она всегда боялась, что ее сын на такую куклу нарвется.

Как-то взрослые уехали на свадьбу к ближайшим родственникам. Глеб не поехал, он писал диплом, а Лида шила себе платье на выпускной бал. «Хозяйшкка» оставлять детей одних

не хотела, поэтому попросила переночевать у них свою пожилую тетку. Да та после двух стопочек бальзама, обнаруженного в холодильнике, тут же уснула. А Лида, сметав платье, отправилась к Глебу в комнату, чтобы спросить совета, стоит ли делать декольте побольше.

– Знаешь, на кого ты похожа? – спросил он, окинув взглядом точеную фигурку Лиды, окутанную клубами голубого шелка. Она шила себе настоящее платье принцессы. С корсетом, пышной юбкой и шлейфом.

– На кого?

– На Анжелику.

– Лебедеву? – ужаснулась Лида. Анжелика Лебедева была их соседкой, и выглядела она ужасно.

– Нет, конечно. На героиню фильма по роману Голонов. Не смотрела?

Как же не смотреть! Смотрела, конечно! «Анжелика и король», «Анжелика – маркиза ангелов», «Анжелика и султан». Лида обожала эти фильмы. И порой представляла себя на месте героини. Но она не думала, что похожа на нее внешне.

– Ты серьезно? – спросила Лида.

– Да. Тебе бы только волосы перекрасить и завить. Вылитая будешь. Странно, что я раньше этого не замечал.

И так посмотрел на Лиду, что она поняла – пробил ее час! Сейчас или никогда.

Она присела в реверансе, как Анжелика перед королем. Взгляд Глеба уткнулся в ее грудь.

– Разрешите представиться, ваше величество, – проворковала Лида. – Анжелика де Сансе де Монтелу.

Глеб улыбнулся. Она рассмешила его! В кои веки. Обычно он лишь хмурился в ответ на ее реплики. И только когда пела, его лицо разглаживалось.

Лида медленно разогнулась, затем подошла к кровати, на которой сидел Глеб, и опустилась рядом. Ее бедро коснулось его. И так жарко стало, что над верхней губой пот выступил. Лида слизнула его. Глеб проследил за ее языком и... Отвернулся. Потому что захотел «Анжелику де Сансе». И испугался своего желания.

– Помоги мне, пожалуйста, расстегнуть платье, – попросила Лида, повернувшись к нему спиной. Там была «молния», которую она уже втачала. – Сама я не дотянусь...

Она почувствовала тепло его руки сквозь ткань платья. Глеб расстегивал «молнию» осторожно, но не потому, что боялся повредить, просто он избегал прикосновений к телу Лиды.

– Все, – сдавленно проговорил он, убрав руки.

– Спасибо...

– Ладно, буду заниматься, – выпалил он, схватив книгу.

Но Лида отобрала ее у него, отложила в сторону. Затем молча стянула с себя платье. Переступив через ворох шелка, она предстала перед Глебом обнаженной.

– Ты что делаешь? – хрипло спросил он.

– А разве не ясно?

– Нельзя... этого...

Она накрыла его губы пальчиками, заставляя замолчать. Затем уселась к нему на колени, обвила руками шею, опустив его лицо себе на грудь. Знала, он не устоит. Глеб был равнодушен к бюстам. Все его девушки имели пышную грудь. Но и Лиде было чем похвастаться. Пусть всего лишь двоечка, зато налитая, сочная, с задорными розовыми сосками. В данный момент они возбужденно торчали, напрашиваясь на поцелуй.

Глеб обхватил один из них губами и начал посасывать. О!.. Лида не думала, что это настолько приятно. Она зажмурилась, запрокинула голову и застонала. А Глеб завладел второй ее грудью. Взяв в ладонь, стал нежно поглаживать.

Лида очень возбудилась и стала нетерпеливо ерзать на его коленях. Хотелось, чтобы он тоже разоблачился и прижался к ней своим обнаженным телом. А еще она изнывала от желания

увидеть его пенис и взять его в руки. Лиде одна из одноклассниц давала почитать книгу под названием «Сексуальная гармония». Там описывалось, как партнеры друг друга возбуждают. А еще картинки имелись. Лида все изучила. И тексты и рисунки. И ей не терпелось увидеть, достоверно ли изображено было в книге мужское достоинство, а также попрактиковаться в том, о чем в разделе «сведи мужчину с ума» описывалось.

И Глеб не заставил ее долго ждать. Скинул с себя одежду и подмял девушку под себя. Вот только Лида не успела ни рассмотреть что-либо, ни продемонстрировать свои теоретические знания в области ласк. Глеб был то ли не так опытен, как ей думалось, то ли просто торопился поскорее закончить процесс, боясь, что проснется их «дуэнья», но отлюбил ее быстро и как-то неумело. Лида ничего толком почувствовать не успела. Разве что поняла: секс не так прекрасен, как ей представлялось.

А вот Глебу все понравилось. Поэтому уже на следующий день он залез к Лиде под юбку, когда они всей семьей ужинали. Положил руку ей на колено и заскользил ею вверх по бедру, пока не добрался до кромки трусиков. Лида едва вилку не выронила. А после, когда они отправились мыть руки после еды, шепнул: «Пошли на чердак!» Лида знала, что некоторые ребята там сексом занимаются. Слышала от подруги, которая именно на чердаке девственности лишилась. Якобы там даже местечко для интима оборудовано. Диванчик, столик со свечой и тазик для того, чтобы подмыться.

И Лида пошла с Глебом на чердак. И нашла то самое место. И отдалась «принцу» еще раз. Опять ничего не ощутила, но это несколько не омрачило ее настроения. Она была влюблена в Глеба и хотела его радовать. Он доволен? Значит, и ей хорошо!

Они стали видеться на чердаке регулярно. Лида даже умудрилась один раз получить удовольствие. Это случилось после выпускного бала, на котором она была признана королевой. Глеб встретил ее, и они отправились домой рука об руку. Стояла ночь, народу на улице не было, и они, не стесняясь, целовались, обнимались и позволяли себе более интимные шалости. Например, Глеб забирался своими пальцами в ее декольте и ласкал грудь, а она расстегивала его ширинку и ныряла в нее ладошкой.

После была потрясающая ночь! Самая лучшая из всех. Но она имела свои последствия...

Когда через две недели у Лиды не начались месячные, она не переживала. Бывали у нее и недельные задержки. Но через месяц ее стало тошнить по утрам, а грудь увеличилась на размер. Беременна? Да как же так? Ведь Глеб обещал, что все будет в порядке? Что он все контролирует и ни капли семенной жидкости в нее не попало!

Лида сделала тест. Он показал положительный результат. О своей беременности она сообщила Глебу. Тот пришел от новости в ужас.

– Нет, быть такого не может! – охнул он, обхватив голову.

Лида пожала плечами. Она полагалась на него. Он старше и опытнее. И вообще... Он мужчина! Да не абы какой, а самый лучший.

– А ты уверена?

– Да. Сделала три теста.

– Кошмар какой... – Пальцы вцепились в густую челку. Лида обожала сдвигать ее со лба Глеба. – Что я скажу маме?

Она еле сдержалась, чтобы не заорать на него.

Что он скажет маме?

А что она... папе?

И всем остальным? Ведь ей только семнадцать. А ему уже двадцать два...

– Придется сказать, – продолжил Глеб. – Ты ведь несовершеннолетняя, и аборт тебе без письменного согласия родителя не сделают...

– Аборт?

– А что, у тебя есть знакомые, которые могут достать укольчики? – оживился он. – Я слышал, есть такие. Одна инъекция, и все в порядке.

– Я хочу рожать.

– Да ладно! – он нервно рассмеялся. – Ты только школу закончила, какие дети?

– Но ты уже диплом защитил. Специалист. Работу найдешь легко.

– И что?

– Поженимся.

Он чуть клок волос себе не выдрал.

– Поженимся? – возопил Глеб. – Ты с ума сошла? Мы еще дети! К тому же живем с родителями. Какая семья?

– Да, будет трудно, но... мы же любим друг друга.

Глеб вскочил, вцепился в плечи Лиды, встряхнул ее:

– Ты что напридумывала себе, дура? Какая любовь? Мы просто дружили.

Она ушам своим не поверила. Что он сказал? Не любовь? А... дружба?

– Мы просто дружили? – дрожащим голосом переспросила Лида.

– Ну не мог я употребить слово «трахались». Но если тебе так понятнее...

Лида залепила ему пощечину. Голова Глеба дернулась так сильно, что едва не врезалась в стену.

– Не обижаюсь, за дело, – проговорил он, схватившись за покрасневшую щеку.

– Какой же ты... мерзкий!

– Обычный мужик со своими потребностями.

– Мужик! – фыркнула Лида. – Мальчишка, не способный отвечать за свои поступки. Дите, боящееся мамы!

– Да пошла ты, – огрызнулся он и развернулся, чтобы уйти.

– Нет, стой! – Лида схватила его за руку. – Что будем делать? Как сказать родителям? Когда?

– Завтра. Мне нужно подумать, как это лучше сделать.

– Ладно.

– Но ты ведь не будешь рожать, да?

Лида не ответила. Теперь настал ее черед развернуться и уйти. И сделала она это так стремительно, что Глеб не успел ее задержать.

Лида выбежала из квартиры и бродила до ночи по улицам. Ее мобильник разрывался, но она не отвечала. Лидин мир рушился, ей было не до разговоров по телефону. Вообще ни до чего. Она просто не слышала звонков. И не замечала противно морозящего дождя. Пожалуй, начнись землетрясение или поднимись ураган, она бы не дрогнула. Провалилась бы в разлом в земле, унеслась бы со смерчем, так и не вынырнув из пучины своих горьких дум.

Очнулась она, когда ноги взяли вдруг и отказали. Оказалось, замерзли так, что двигать ими уже не было сил. Лида огляделась, увидела, что она недалеко от дома. Видимо, ходила кругами.

Лида опустилась на лавочку. На ней сидела компания, две женщины и мужчина. Он в центре, они по бокам. Мужчина держал зонт, барышни бутылку водки, стаканчики и закуску – огурцы и яблоки с сада-огорода.

– Девонька, что с тобой? – обратилась к Лиде одна из женщин. – Горе какое? – Она отобрала у спутника зонт и укрыла ее от дождя. – Несчастливая любовь?

– Хуже.

Сердобольная тетенька взяла стакан, плеснула в него водки и сунула его в ледяную руку Лиды.

– Пей! – приказала она.

– Я не пью, – мотнула головой Лида. Она на самом деле ни разу не пробовала спиртного. Даже на выпускном балу не выпила ни фужера шампанского.

– Да это лекарство. Давай опрокинь стаканчик.

Лида не стала сопротивляться.

– А теперь закусим! – Женщина сунула ей под нос яблоко. – Так что случилось?

– Мир рушится... Все летит в тартарары! – Лида откусила от плода и стала жевать, не чувствуя вкуса.

– Нам бы их проблемы, – усмехнулась сердобольная, глянув на своих товарищей. Почему-то взрослым казалось, что их трудности огромны, а те, с которыми сталкивается молодежь, ничтожны...

Эх, знали бы они!

– Спасибо вам, – выдавила из себя Лида. – Пойду я...

И, встав, зашагала в направлении дома, словно робот. Пальцы на ногах (да и на руках) так замерзли, что она их не чувствовала. Но тепло разливалось по телу из желудка. Жаль, что медленно. Лида согрелась только через пять минут, когда уже подходила к подъезду. За теплом пришло опьянение, в квартиру она ввалилась подшофе.

– Ты где шлялась? – накинулся на нее отец, встретив ее в прихожей. – Мы уже хотели в милицию звонить!

Из комнаты тут же вылетела его гражданская жена. А вот Глеб не появился.

– Звонили тебе сто раз, почему трубку не брала? – не отставал отец.

– Да что ты с ней, шалавой, разговариваешь? – подключилась мачеха. – Не видишь, что ли, пьяная она. Таскалась где-то... С кобелями. Пригрели на груди змею!

Она вела себя не как интеллигентная женщина, а будто рыночная торговка. Даже голос изменился, стал визгливым.

– Я беременна, – сказала Лида бесцветным голосом.

– Что? – взревел отец.

– Вот! – Его гражданская супруга ткнула пальцем в Лиду. – Дотаскалась, залетела, непонятно от кого...

– От сына вашего!

– Ему можешь врать, мне не надо!

Так Лида поняла, что мать Глеба уже в курсе. Тот, узнав о ее беременности, сразу побежал к мамочке и выдал ей свою версию событий. Наверняка оговорил Лиду, выставил шлюхой. И это человек, который лишил ее девственности!

– Обзывайте меня, как хотите, мне все равно, – выдавил из себя Лида. – Но знайте, я буду рожать. А когда увидите моего малыша, поймете, от кого он.

– Как рожать? – просипела мачеха – Ты что... С ума сошла?

Да, пожалуй, сошла. Потому что одно дело забеременеть в семнадцать, выйти замуж за любимого и родить, а другое забеременеть, быть преданной любимым и родить, как говорится, для себя. И никто не поможет! Ни «принц», ни его мать, ни Лидин отец, пляшущий под дудку своей хозяйшки. А куда еще ей податься с ребенком? Тетка не примет. У матери своих трое, а дом больше не стал...

– Ты хочешь испортить жизнь моему сыну? – не отставала от нее мачеха. – Не только себе, но и ему? И всем нам?

– Я просто хочу родить этого ребенка.

– И что ты будешь с ним делать? Ты хоть понимаешь, что это такое – материнство?

– Как же я хочу спать, – выдохнула Лида. Только сейчас, когда она окончательно отогрелась, поняла, как невероятно устала.

– Мы не закончили!

Лида оттолкнула преградившую ей путь мать Глеба, прошла в комнату и легла на кровать. Отец вместе со своей сожительницей не отставали от нее. Орала что-то, пытались тормозить. Но Лида все равно погрузилась в сон.

На следующее утро с ней никто не разговаривал. Все трое между собой что-то обсуждали вполголоса, делали вид, что Лиды нет. Но так продолжалось недолго. После ужина мачеха увела Лиду на балкон, чтобы, как она выразилась, поговорить, как женщина с женщиной.

– Ты не передумала? – спросила она.

– Нет.

Та поджала губы.

– Все, разговор окончен? – спросила Лида.

– Нет. Я просто надеялась, что ты изменила свое решение. Ведь утро вечера мудренее.

– Я не буду делать аборт. Боюсь, что потом не смогу забеременеть.

– Да что за глупости? Многие женщины проходили через эту процедуру и ничего...

– А я не стану! – повысила голос Лида.

– Хорошо, – на удивление спокойно согласилась с ней мать Глеба. – Ты уже ходила к врачу?

– Нет еще.

– Давай я запишу тебя к своему гинекологу? Он очень хороший специалист. А то в поликлинике сейчас девочка сидит неопытная, – предложила сожительница отца.

– Спасибо.

– Все ж ты моего внука носишь...

Они отправились к гинекологу через три дня. Врач Лиде понравился. Симпатичный мужчина средних лет с ласковыми руками. Когда он ее осматривал, она никакого дискомфорта не ощутила.

– Да, милочка, вы беременны, – сказал он, закончив осмотр. – Примерный срок пять недель.

Лида прикинула и поняла, что забеременела в волшебную ночь своего выпускного бала.

– Как я понял, вы хотите оставить ребенка?

– Да.

– Одобряю ваше решение. Я анализы взял, посмотрим, каковы будут результаты. Но пока мне все нравится. Встретимся через неделю.

Спустя семь дней Лида явилась на обследование. Мачеха в этот раз ее не сопровождала.

– Вы хорошо себя чувствовали все это время? – спросил доктор, как-то уж очень сильно нахмурившись.

– Да.

– Никакого дискомфорта?

– Живот болел позавчера. Наверное, съела что-нибудь...

– Да нет, не съели... – Он стянул с рук перчатки и велел ей одеваться.

– Что-то не так?

– Анализы у вас не очень. И выделения нехорошие. Давайте-ка сделаем УЗИ.

Доктор посмотрел на результат УЗИ, ничего не сказал и велел Лиде явиться еще через неделю. Но только если будет нормально себя чувствовать. В противном случае – пусть звонит.

За неделю Лида ни разу не почувствовала себя плохо. Да, было недомогание, но не более того. Однако когда доктор осмотрел ее, он стал очень нервничать. Отвел в сторону мачеху (у нее был выходной, и она отправилась с Лидой) и начал показывать карту.

– Со мной что-то не так? – взволнованно спросила девушка.

– Да, не так, – не стал спорить врач.

– Что?

– У вас замершая беременность. Плод не развивается. Придется чистить.

– Но почему это произошло?

– У вас были плохие анализы изначально. Сильное воспаление придатков. Плюс инфекция. Это все из-за секса в неподобающих условиях.

– Ничего нельзя сделать?

– Увы...

– Мне так жаль, – всхлипнула мачеха. – Я уже свыклась с мыслью, что скоро стану бабушкой.

Доктор успокаивающе похлопал ее по плечу, а Лиде сказал:

– Я сам проведу операцию. Ничего не бойтесь. Обещаю, все будет хорошо.

Все и правда прошло замечательно. Без последствий. То есть то, чего так боялась Лида – бесплодие, – ей не грозило. И все равно ей было паршиво. А потом она узнала о том, что об этом докторе в городе ходят нехорошие слухи. Будто он ставит женщинам неправильные диагнозы, чтобы почистить их, а плаценту сдать за приличные деньги. Это были всего лишь сплетни, но Лида поверила им. И сделала вывод, что мачеха с врачом сговорились. В итоге оба получили желаемое. Мать Глеба избавила сына от нежеланного ребенка, а врач заработал лишнюю копейку на ее «материале».

В тот же день Лида собрала вещи и покинула квартиру мачехи. Ее никто не пытался остановить. Все обрадовались тому, что она уезжает. Даже родной отец.

Денег у Лиды было совсем чуть-чуть. Выручила их от продажи золотых сережек, которые ей папашка подарил на шестнадцатилетие. Их хватило на билет до города, в котором жила тетка. Не хотелось, конечно, Лиде возвращаться к ней, но куда еще податься? Не в деревню же.

Однако ее ждал неприятный сюрприз. У тетки появилась новая приживалка (она именно так называла девушку), и вторая ей была без надобности. Эта не являлась ее родней, всего лишь внучкой хорошей знакомой, зато была страшенькой и забитой. Ей тетка не завидовала и помыкала ею с легкостью. Так что Лида получила от ворот поворот. Но в деревню она возвращаться не собиралась. Пару ночей на вокзале ночевала, а потом нашла женщину, готовую ее приютить, та буфетчицей работала на том же вокзале. Лида у нее чай и пирожки покупала. Разговорились, девушка поведала о своей беде. Женщина согласилась дать ей кров. Но сказала, что, когда Лида устроится на работу, потребует с нее за проживание деньги. Мол, она, конечно, добрая, всегда готова помочь, но коммунальные услуги стоят дорого, а жилочка будет и свет жечь, и воду лить. Если б буфетчица знала, что Лиде только семнадцать (та выглядела минимум на двадцать), не приютила бы. В таком возрасте работу найти нелегко. Разве что листовки раздавать или крупу фасовать в супермаркетах. Так там обман один, кидалово. Обещают одну зарплату, а платят в три раза меньше. Но Лида все же пристроилась! Не сразу, но...

На мясокомбинат устроилась уборщицей в забойный цех. Потом обещали перевести ее в разнорабочие. А если себя зарекомендует, то доверят туши разделявать. «Потрошители» больше других зарабатывали. Даже больше конторских: бухгалтеров, инженеров. Из-за денег Лида на мясокомбинат и пошла. Уж очень они ей нужны были! А работы тяжелой она не боялась. И вони. И грязи. Все это она видела в деревне.

Если б кто-то знал Лиду, очень удивился бы ее выбору. Бежала из деревни, чтобы снова вернуться... в хлев? Пошла, можно сказать, по стопам матери, к которой всегда относилась с легким презрением. Но Лида знала, чего хочет. И на мясокомбинате она задерживаться не собиралась. Дала себе год на то, чтобы скопить денег и уехать в большой город.

Она вкалывала как проклятая. Брала калым. Да еще, как все, подворовывала. Никакой личной жизни, развлечений, излишеств: питалась и одевалась крайне скромно. Ровно через год (к тому времени она была уже «потрошителем» – то есть сделала фантастическую карьеру) уволилась. Начальник цеха чуть не плакал, подписывая ее заявление. Уговаривал остаться. Обещал комнату в общежитии и заводскую стипендию. Но Лида была непреклонна. Она мечтала стать королевой и ею станет!

В большой город она приехала с небольшим чемоданом, кредиткой, на которой имелась вполне приличная сумма, адресом недорогой съемной квартиры и... с новым цветом волос! Она перекрасилась в рыжий.

На следующий же день Лида отправилась на прослушивание. Она отметила все заведения города, где выступали артисты, обзвонила их, предложила себя в качестве певицы. Ей отказали во всех, кроме одного. Туда-то Лида и поехала. Ресторан оказался очень приличный, со швейцаром на входе. Он открыл перед ней дверь и подсказал, куда направиться. Лида шла по залу и ахала – как же все красиво! Она ни разу не была в подобных местах. Да что там... Даже в кафе не ходила. Экономила. А на предложения мужчин поужинать неизменно отвечала отказом. Всем им одно нужно! Накормят, а потом в койку потащат. Дружить!

Ее принял сам хозяин ресторана. Толстый, кудрявый дяденька с губами, похожими на два облитых маслом вареника.

– Ты Анжелика? – спросил он у Лиды. Та кивнула. Она решила взять себе псевдоним. – Я такой тебя и представлял.

– Какой такой?

– Красотулечкой из деревни. С феноменальными природными данными, но без лоска. Откуда приехала?

Лида назвала город, где жила с теткой.

– Не слышал о таком, – покачал головой ресторатор. – Так, говоришь, петь умеешь? И танцевать?

– Да. Занималась в кружке народных танцев и в песенных конкурсах побеждала. У меня и дипломы с собой. Могу показать.

Толстяк рассмеялся и протестующе замахал руками:

– Нет, нет, не стоит. Лучше спой.

Лида тут же затянула хит из «Титаника». На втором куплете ресторатор ее остановил:

– Достаточно.

– Вам понравилось?

– Для караоке – сойдет. Но на нашу сцену тебе нельзя. Дор-блю закидают!

– Чем?

– Ну, я бы сказал, тухлыми помидорами, но у нас все овощи свежайшие. А дор-блю – это сыр с плесенью. Не слыхала, что ли?

Лида молча покачала головой.

– Не могу я тебя взять к нам. Хотя ты мне очень нравишься. Я как твой голос услышал... да с этим милым оканьем...

– Я уже не окаю! – возмутилась Лида.

– Это тебе так кажется, – ласково улыбнулся он ей. – Так вот, девочка дорогая, место певицы я тебе предложить не могу. Но есть другая вакансия.

– Официантки?

– Лучше! Моей любовницы.

Лида с ужасом уставилась на ресторатора. Ему, по ее прикидкам, было не меньше сорока пяти. А весил он больше ста кило. Да еще эти губы... Лида, как представила, что он будет своими варениками касаться ее кожи, едва сдержалась, чтобы не передернуться от отвращения.

– Ну, что скажешь? Согласна?

– Нет, – едва выдавила Лида.

– Нет? – несказанно удивился ресторатор. И посмотрел на нее как на какое-то диковинное животное. Сайгака, например. Она видела его в зоопарке – чуднее не придумаешь.

– Я пойду, прощайте.

– Вот ты дура, девка, – усмехнулся он. – Понимаешь хоть, от чего отказываешься? Я тебе квартиру сниму шикарную, карту в фитнес-клуб подарю, на курорты возить буду, денег давать на барахло. А если понравишься мне, куплю тебе машину.

Лида пристально посмотрела на ресторатора, прикидывая, сможет ли за такие блага ему отжаться. Попробовала найти в нем что-то привлекательное. Зацепилась за глаза красивого орехового цвета, за аккуратные уши, за... За? Все, больше не за что. Разве за часы дорогие, перстень с бриллиантом, шелковый галстук.

– Спасибо за предложение, но нет, – твердо ответила Лида.

– Гордость твоя от наивности. Сразу видно, совсем недавно приехала. – Он вынул из портмоне визитку, протянул Лиде. – Если передумаешь, звони. Ты меня зацепила.

Помявшись, Лида все же взяла визитку. И ушла, не проронив ни слова. Зачем? Она ведь уже сказала «прощайте».

Тогда Лида не знала, что увидит Эдуарда Гордона (именно такое имя было указано на визитной карточке) еще не раз. Правильно он сказал, наивной она была очень. Думала, ее, такую красивую и талантливую, рвать будут на части. Даже прикидывала, в каком заведении согласится работать, а в каком – нет. Но когда она обошла все клубы и рестораны, даже те, где не хотела бы петь, везде ей отказали. Только в одном месте Лидой заинтересовались. И был это стриптиз-клуб. Но раздеваться на потребу мужской толпе Лида не собиралась. Да и не верила, что девушки после того, как сходят со сцены, превращаются в скромниц и недотрог. Наверняка еще проституцией подрабатывают (по крайней мере, в том второсортном клубе, куда ее хотели взять). И толкают их на это работодатели. Так, может, лучше с одним... пусть и противным, чем с разными?

И все же Лида не сдавалась. Искала и искала достойное место. Но мысли о том, чтобы принять предложение Гордона, посещали ее все чаще. Попробовала в манекенщицы податься – не взяли. Сказали, ростом не вышла. Диджеев на радио набирали, Лида на кастинг отправилась. Зарубили из-за оканья. Пришлось устроиться официанткой в отличное заведение, чтобы зарабатывать на жизнь. Лида надеялась завести там знакомства. Или приглянуться какому-нибудь богатому мужчине с привлекательной внешностью, считай, принцу. А что? Сам Джорж Клуни с официанткой тогда в гражданском браке жил!

Но вместо принца получила Лида нагоняй от директора за разбитую бутылку дорогого вина. А в конце месяца оказалось, что одним этим не отделаешь. Штраф ей впаяли, равный половине зарплаты. Психанула, ушла...

Деньги к тому времени подошли к концу. Оказалось, не так много она их скопила. Жизнь в большом городе – дорогая. Особенно арендная плата за квартиру, пусть и самую скромную.

Лида не знала, решила бы она на звонок Гордону. Возможно, и нет. Но она его случайно встретила. Выходила из магазина дорогой мужской одежды (хотела устроиться туда продавцом), а ресторатор в него заходил. Столкнулись.

– Анжелика! – сразу узнал ее Гордон. – Рад видеть.

– Здравствуйте, – выдавила из себя Лида.

– Как дела?

– Хорошо.

– Так и не позвонила, а я ждал... – Он окинул ее взглядом. – Все так же хороша. Но огонек в глазах поугас. Значит, не очень все хорошо. Не хочешь со мной пообедать?

Язык чесался ответить «нет», но Лида себя сдержала и просто пожала плечами.

– Будем считать молчание знаком согласия, – хмыкнул Гордон. – Пошли. – И, взяв Лиду под руку, повел к машине.

– Но вы хотели что-то купить...

– Потом, – отмахнулся он.

Они быстро доехали до ресторана. Одного из тех, куда Лиду не взяли. Им, как оказалось, тоже владел Гордон, но на паях с другом.

За обедом они разговорились. Ресторатор расспрашивал Лиду о ее прошлом. Она отвечала когда правдиво, когда не очень. О некоторых эпизодах вообще умолчала. Принесли десерт, и Гордон объявил:

– Ты мне подходишь! Молодая, красивая и пока не испорченная. То, что я искал. – Он отхлебнул бренди из маленькой стопочки, заел шоколадным суфле. – Только у меня последний вопрос: ты девственница?

– Нет, – смутившись, ответила Лида.

– Вот умница, не соврала. А то такие сказочницы попадают, мама не горюй! Будто я не знаю, со сколько лет вы, деревенские, на сеновалах кувыркаетесь. – Он полез в карман. – Значит, так, вот тебе ключ. Мой водитель тебя сейчас отвезет в квартиру. Там в холодильнике есть продукты, приготовь что-нибудь легкое для ужина и жди меня. Приеду на пару часов.

– Зачем? – тупо спросила она.

– Не строй из себя дуру. Ты хоть и малообразованна, но смекалиста. Я хочу заняться с тобой сексом. Потом поеду домой.

– Вот так прямо... сразу? – Она сглотнула.

– Ну а как ты хотела? Чтоб я ухаживал за тобой: цветы дарил да серенады под окном пел? Я деловой человек, мое время дорого. Не устраивает, ради бога, можешь отказаться. Но я бы не хотел этого. Знаю, я на героя романа не похож, а ты себе наверняка такого выдумала. Но я не извращенец, не дегенерат, не подлец, не жлоб. Со мной тебе будет комфортно.

Он очень складно говорил, а главное, спокойно и уверенно. И голос у Гордона был очень приятный. Вот третье, за что Лида зацепилась. И больше не колебалась.

* * *

С Эдуардом Гордоном Лида была почти счастлива без малого два года. Он оказался именно таким человеком, каким себя описывал: не подлым, не жадным, без жлобства и сексуальных отклонений. А еще очень приятным собеседником и большим умницей. Как же Лиде было с ним интересно! Гордон многому ее научил, многое показал. Он пристрастил ее к книгам, а возил не на Мальдивы и Сейшелы, где они бы только и делали, что валялись на пляже и ходили под парусом, а в Париж, Лондон, Барселону. Там они много гуляли, посещали музеи, и Гордон лучше любого экскурсовода рассказывал ей об истории городов, зданий, картин.

Лида привыкла и к его внешности. Она уже не казалась ей отвратительной. Даже губы-вареники... Ведь она узнала, как нежны они бывают.

Пожалуй, она могла бы полюбить своего Эда. Но у него была жена, и Лиду сразу поставили перед фактом, что брак этот нерушим. Поэтому она решила не растрчивать впустую свои чувства. На правах законной супруги она могла бы остаться с Гордоном, но в его любовницах долго задерживаться не собиралась. Годы идут, надо как-то устроиваться. Не до седых же волос в содержанках прозябать. Да и не нужна Гордону любовница с седыми волосами. Он молодых любит. А значит, бросит ее, Лиду, через... В лучшем случае через семь лет. Даже если у нее никаких серебряных нитей в волосах не появится. Просто Эд обожает совсем юных девушек. И не скрывает этого.

Гордон к Лиде тоже прикипел. Не только телом, но и душой. Поэтому и старался сделать ее лучше, развить интеллектуально. Ему нравилась ее искренность, но коробила невежественность. Вот он и подтягивал ее к своему уровню, чтобы было о чем поговорить. И все могло продолжаться дальше, да жена у него заболела. Так серьезно, что на лечение ее пришлось везти в Израиль. Эд жену сопровождал. И там, на чужбине, погруженный в заботы и переживания о своей благоверной, о Лиде позабыл. То есть не просто стал реже о ней вспоминать, вообще

не звонил, не писал. А когда она сама его набирала, отделялся сухим: «Перезвоню!» И не перезванивал! Не до Лиды ему стало.

И она загуляла. В клубе познакомилась с красивым парнем, он пригласил ее на неделю на Кипр, она, недолго раздумывая, согласилась. Улетели оттуда через два дня, а их провели, не вылезая из постели!

Парень был прямой противоположностью Гордону. Молодой, стройный, эффектный, модный, но ограниченный, незрелый, развращенный донельзя. Он гулял на деньги папочки. Лида видела, что он – пустышка, но ей с ним было весело. Все же в общении с ровесниками есть свои плюсы. Можно покуражиться, протанцевать всю ночь напролет, поржать над ерундой, побыть дурой, в конце концов. А как приятно пройти с красивым парнем за руку по набережной, когда все смотрят на вас с восхищением, а не с недоумением.

И что-то в Лиде надломилось. Да еще Гордон хоть и вернулся в Россию, но стал уделять ей гораздо меньше внимания. Бежал домой, к медленно выздоравливающей жене. И денег давать стал совсем чуть-чуть. На лечение ушло много и на реабилитацию. И Лида ушла от Эда. Он ее не осудил. Хотя, конечно, надеялся на большее понимание.

– Я могу оставить вещи, что ты мне подарил? – спросила она на прощание.

– Конечно.

– И машину?

– Она твоя.

– Спасибо тебе, Эд. Ты замечательный. Я тебя никогда не забуду, но пришла пора мне двигаться дальше.

– Желаю удачи, – улыбнулся он, растянув свои вареники в два чебурека.

Она действительно не забыла его. Всех последующих с ним сравнивала. И почти все проигрывали. Пусть были и моложе, и красивее, и порой богаче. Но с ними она не ощущала такого комфорта, как с Эдом. И никого так не уважала, как его.

* * *

Она переехала в другой город. Нашла себе нового спонсора – теперь это было сделать легче. Она стала опытной, в ней появился лоск. А еще легенда! Она никому не говорила о том, что деревенская. Врала, что родилась в городе, в богатой семье. Мол, жила, как сыр в масле катаясь, но папаша прогневался на нее, выгнал из дома, и теперь Лида (Анжелика, конечно же) вынуждена как-то устроиться. А так как институт она бросила, потому что отец отказался платить за обучение, то на работу устроиться крайне сложно.

Ей верили. Порхая от одного к другому мужчине, Лида достигла двадцатипятилетия.

И тут ей выпал козырной туз! Она познакомилась с настоящим принцем. Неженатый олигарх тридцати двух лет. Не красавец, но симпатичный. Он увлекся Лидой очень серьезно. Перевез ее в Москву. Помог записать альбом, снял для нее клип. Его крутили по телевизору аж целый месяц. Лида (псевдоним – Маркиза) стала звездулечкой. Она сама понимала, что ее популярность сиюминутна. Для поддержания требуется очень много денег. Ее принц слишком практичен, чтобы вкладывать средства в убыточное дело. Сделать приятное девушке, которой увлекся, да. Но вбухивать в нее миллионы – другое дело. Была бы она жена... А то... любовница.

То, что Лида никогда не станет женой олигарха, ей дали понять сразу. Принцы только в сказках женятся на золушках, в реальной же жизни они, как правило (бывают, конечно, исключения, но редко), выбирают себе подобных. Чтоб деньги к деньгам. Связи к связям. У Лидино-го милого уже и невеста имелась. Дочка нефтяного магната из Азербайджана. С ней свадьба была назначена на будущий год. Но Лиду уверили, что она никак не помешает их отношениям.

Находясь на волне успеха, Лида умудрилась дать несколько концертов в клубах отдаленных от столицы городов. Занесло ее и туда, где жил отец, мачеха, Глеб...

Нет, не так! Ее туда не занесло. Она сделала все, чтобы выступить в том городке. Согласилась на минимальный гонорар, лишь бы там очутиться.

Ее встретили на обычной «Тойоте», отвезли в отель. Из номера она вызвала лимузин, заказала цветы. Когда машина и букеты прибыли, накинула самую дорогую шубу, взяла корзину с фруктами, подаренную организаторами гастролей, и отправилась с визитом.

Она не надеялась застать Глеба в квартире. Была уверена, что он живет отдельно. Но, к огромному Лидиному удивлению, дверь открыл именно он.

– Здравствуйте, вы к кому? – спросил он.

Не узнал! А вот она его – мгновенно. Он не особенно изменился. Да, возмужал и немного поправился. Но остался по-прежнему симпатичным, улыбчивым. Он был такого же типа, что и Леонардо Ди Каприо. Худой, смазливый в ранней молодости, мясистый, заматеревший в зрелости.

– К вам, – просто ответила Лида.

– Ко мне?

– К тебе, твоей маме и отчиму.

– Отчима у меня нет, – нахмурился Глеб.

– Разве?

– Был у матери сожитель, но он умер год назад... А вы кто, собственно?

– Не узнаешь?

– Что-то знакомое... – Глеб отошел на шаг и внимательно посмотрел на Лиду. – На артистку похожи, которая Анжелику играет! И на эту... Как ее? Песенку еще заводную поет про ласточек?

– Маркиза.

– Точно!

– Это я.

– Да ну? И вы к нам?

Он по-прежнему ее не узнавал. Лида знала, что сильно изменилась. Глеб помнил ее девочкой со светлыми волосами и бледным личиком. Она не красилась и была очень худенькой. Сейчас рыжая, яркая, сексуальная, с грудью четвертого размера, презентованной ей одним из поклонников. Но ведь черты лица остались прежними. Их она не меняла. Те же глаза, нос, губы... Губы, которыми он восхищался! Говорил, что они словно лепестки роз. Этот избитый комплимент Лиду когда-то радовал до трепета...

– Неужто, я так изменилась, Глеб? – спросила она, откинув со лба рыжую челку.

– Лида? – воскликнул он пораженно. – Ты?

– Я, – просто ответила она.

– Да что ж ты на пороге-то?.. Заходи! – И Глеб наконец посторонился.

Она перешагнула порог.

Квартира была все такая же. Даже обои прежние – в ромбики. И вокруг выключателя засалено.

– Твоя мать дома? – спросила Лида.

– Нет, она на работе. Я один.

Он помог ей снять шубу. Под ней – облегающая кофточка с вырезом-капелькой на груди. Ложбинка сверкает, стоит немного повернуться. От Лиды не ускользнуло, какие взгляды Глеб кидает на ее декольте.

– Какие красивые у тебя цветы! – восхитился он. – И как их много.

– Поклонники на концерте надарили, – повела плечом Лида.

– А ты не знала разве, что твой отец умер?

Она не удостоила его ответом. Конечно, не знала. А сейчас, узнав, не испытала никакой горечи. Умер и умер. Кто он ей? Папа? Да бросьте...

– Почему ты все еще с матерью живешь? – спросила Лида, когда ее ввели в знакомую кухню и усадили за стол с новой клеенкой, та, что она помнила, была в клубничках, а эта в винограде. – Не нашел достойную?

– Я был женат, развелся. Дочь есть. А ты как?

– О-о-о... – Она закатила глаза. – У меня все супер. Вот сегодня в вашем клубе выступаю. Билеты вам привезла. Приходите... – Лида выложила на стол два пригласительных, оставив в сумке один, для отца. – Буду рада видеть тебя и твою мать.

– Мама вряд ли пойдет...

– Возьми с собой свою девушку. Или друга. Или толпу приятелей. Сколько еще хочешь билетов?

– Не нужно мне, спасибо. Я не люблю клубы, как и мои друзья.

– А девушка?

– У меня нет ее. Я замшелый холостяк...

Лида не собиралась от него отставать. Ей хотелось, чтоб Глеб явился на концерт. И увидел ее во всем блеске. А чтобы блеск был стопроцентно, Лида постаралась. Бесплатные билеты раздавались студентам, чтоб присутствовала публика, а двум ее помощникам приказала вынести на сцену букеты. Будто от горячих поклонников.

Тут из прихожей раздался шум.

– Мама пришла! – воскликнул Глеб. – Что-то рано сегодня.

– Глебушка, это я! – послышался знакомый голос. – Представляешь, у нашего дома стоит огромная машина. Кажется, она называется лимузин. Свадьба, что ли, у кого?

В кухне через несколько секунд показалась она... Хозяюшка!

Ненавистная мачеха.

– У нас гости? – зажурчала она. – А что ж ты, сынок, девушку чаем не поишь?

И замолчала резко. Узнала!

– Добрый день, – поприветствовала ее Лида.

– Здравствуй.

– Вот решила проведать вас...

– Не знала, что твой отец умер? Мы пытались тебя найти, чтобы ты приехала на похороны, но у нас ничего не вышло.

– Я схожу на его могилу.

– Мам, Лида хочет пригласить нас на свой концерт, – встрял Глеб.

– И что она делает? Фокусы показывает? Пляшет?

– Поет. Помнишь хит про ласточек? Он Лидин.

– О...

– Вот билеты принесла. – Глеб показал их матери. – Пойдем?

– Я – пас! – И скривилась брезгливо, будто ее позвали чистить выгребную яму.

– Если передумаете, вэлком, – лучезарно улынулась ей Лида. – А мне пора. Нужно готовиться к выступлению. – Она указала на корзину с фруктами и цветы. – Это вам.

И покинула квартиру, задержавшись лишь на секунду, чтобы снять с вешалки свою шубу.

На концерт явился один Глеб. Сидел перед самой сценой, восхищенно таращился на Лиду-Маркизу. А она была ох как хороша в коротких кожаных шортах и водолазке в крупную сетку, с распущенными волосами и алыми губами. Поющая, танцующая, флиртующая с залом.

А после концерта она упорхнула, даже не помахав Глебу на прощание. У нее был совсем другой план. Соблазнить его, влюбить, а потом бросить. Плюнуть в душу, как он ей когда-то.

Но в какой-то момент Лида поняла, что ни к чему все это. Тратить время, силы, нервы... И ради чего? Чтоб сделать бяку тому, кого по наивности посчитала своим принцем? Пустое все

это. Но она не жалела, что приехала. Себя показала, на Глеба посмотрела. Убедилась, что он ничем не примечательный мужчинка из глухой провинции. Позлорадствовала: плохо устроен, личного счастья нет. И решила идти дальше, не оглядываясь назад.

Глава 3

Он всегда был скверным ребенком, подростком, взрослым...

Мать его, грудничка, чуть не выкинула с балкона. Ее остановил муж, пришедший вовремя. Крохотный Егор орал так часто и громко, что у молодой мамочки сдали нервы.

Когда у мальчика начали резаться зубки, стало еще хуже. Он плакал непрерывно. И тогда даже его спокойный отец выходил из себя. Егор помнил, как он тряс его и кричал: «Да когда же ты заткнешься?»

Да, да, именно так! А кто сказал, что полугодовалые дети ничего не запоминают?

Родители не чаяли, когда отдадут сына в детский сад, потому что он перевернул вверх дном весь дом, попортил кучу вещей. Но и сам пострадал. Один раз утюг раскаленный себе на руку поставил, другой – выпил очиститель для унитазов.

В садике Егор бил всех, кто трогал его игрушки. Швырялся кашей в воспитателей. Подбрасывал в кровати девочек гусениц или жуков, пойманных во время прогулок. Родителям приходилось щедро одаривать директора, чтоб Егорку не вышвырнули вон.

В школе он стал первым хулиганом и отъявленным двоечником. В пятом классе его поставили на учет в детскую комнату милиции. После девятого отправили в спецПТУ. В восемнадцать он получил условный срок. В двадцать был изгнан родителями из дома. Они так устали от своего сына, что не могли его больше терпеть.

Егор их понимал. Его от самого себя тошнило. Но он ничего не мог поделать с собой. В него как будто вселялся бес. Причем, когда это происходило, он наблюдал за действиями этого беса со стороны. И мысленно качал головой, вздыхал и охал. Мол, что ж ты творишь-то, ирод?

Егор любил своих родителей. В глубине своей поганой души. Но постоянно их огорчал. Как будто не мог простить за то, что мать чуть не скинула его с балкона, а отец тряс и орал: «Да когда же ты заткнешься?» Причем помнил он именно его ор. И его глаза, совершенно бешеные. Поэтому, наверное, именно отцу он досаждал больше, чем матери. А однажды, пьяный, руку на него поднял, ткнул кулаком в живот. А когда тот упал, хотел еще ногой пнуть. Но тут вмешалась мать. Влепила сыну оплеуху и сказала ледяным тоном: «Пошел вон из моего дома!»

– Иди ты на х!.. – заорал Егор, схватившись за щеку. – Это и мой дом тоже!

– Не уйдешь, вызову милицию и посажу тебя, гаденыш!

– Мать называется...

– Нет у меня сына. Есть злобное животное, проживающее со мной под одной крышей. Больше я тебя видеть у себя в доме не намерена! Катись!

– И уйду!

Он показал матери неприличный жест и вышел, громыхнув дверью так, что со стены свалилась полочка для одежды.

В тот день он впервые укололся. Алкоголь не помогал, и когда ему приятель-торчок предложил вмазать, Егор не отказался.

И понеслось...

Прочно на иглу Егор сел уже через месяц. Через три стал нападать на прохожих на улице, чтобы раздобыть денег на очередную дозу. Через полгода сел в тюрьму.

Мать с отцом на суде не присутствовали, но передачи посылали. Без писем.

Егору дали семь лет (одна из жертв нападения едва не скончалась от потери крови после ножевого ранения – если бы скончалась, впаяли бы пятнашку). Первые месяцы были адом. Крошечным! Его ломало так, что хотелось разбежаться и удариться головой о стену. Но он перетерпел, и жизнь как-то наладилась. Он даже почувствовал себя счастливым. В тюрьме ему было спокойнее, чем на воле. С корешами отношения сложились отличные. Егора уважали. Но главное не это. А то, что он нашел себе занятие по душе – начал вырезать из дерева фигурки. У

них умелец на зоне был. Его творения за приличные деньги продавались. Егор мог бесконечно смотреть на то, как Мастер (погоняло у него такое было) из простой деревяшки создает настоящее произведение искусства. И попросился к нему в подмастерья.

Мастер был пожилым человеком, вором-рецидивистом. Полжизни провел за решеткой. Здоровье уже было не то, глаза плохо видели, спина болела. Поэтому он взял Егора в помощники.

Сначала ничего у него не получалось. Совсем. Только руки стирал в кровь. Но Егор не бросал – упорства ему было не занимать. И дело пошло. Вот только создавал Егор не хлебницы, шахматы, полочки, тем более не чертей, выскакивающих из бочки с членом наперевес, душа требовала другого. Только он не мог понять, чего именно. В голове крутились какие-то размытые образы, но они, даже если Егор очень сосредотачивался, не становились четкими. Он вырезал что-то, отдаленно напоминающее эти образы, но получалось нечто невнятное. И Егор брался за шахматы и чертиков. Это у него выходило.

После освобождения он домой возвращаться не собирался, что естественно – его там не ждали. Прописали бы снова – и на том спасибо. Но жить где-то нужно. И решил он по примеру многих своих корешей познакомиться с женщиной на сайте знакомств. Писал тем, кто нравился, но они, узнав, что он в заключении, переставали с ним общаться. Правда, сначала шли на контакт охотно. Егор был парнем красивым. И писал без ошибок – хоть и был двоечником, а грамотностью мог похвастаться. Когда он пожаловался Мастеру, тот фыркнул:

– Красоток выбираешь?

– Ну... таких. Зачетных телочек.

– Дурак. Пиши тем, кто пострашнее. И постарше. Неужоженных выбирай, простоватых. Серых мышек. Лучше толстых. Я бабцов мясистых люблю, вот с такой кормой... – Мастер развел руки так широко, как бывалый рыбак, показывающий невероятную добычу. – Но я старый. А молодежи подавай костлявых, вот толстухи и комплексуют.

– У меня ж не встанет на такую, Мастер?

– После семи лет зоны? Ха! У тебя встанет и на медведицу. Тебе зацепиться надо. А там разберешься. Главное, побольше в уши ей дуй. Чтоб встречала водкой, пирогами и нагретой постелью.

Егор прислушался к советам старшего товарища и уже через месяц обзавелся «невестой». Танечкой. Ей было тридцать пять. Невзрачная, если не сказать блеклая, истинная серая мышь, но не полная, а очень худая. Бездетная разведенка, живущая в крохотной квартирке. Зато отдельной! И одна, без родителей или детей. Не женщина – находка.

В жизни «находка» оказалась даже хуже, чем на фото. Но Егор сдержал разочарование. Мило улыбнулся «невесте», сделал комплимент, а главное – подарил цветы. У него после освобождения были деньги, и он решил потратить часть их на «невесту». Заработать баллы, что называется.

Пирогов и водки не было. Имелось сухое красное вино и суши. А также тахта в кухне.

Егор сказал, что у него на сырую рыбу аллергия. А из-за проблем с поджелудочной вино он не употребляет. Пошел в магазин, купил курицу-гриль и бутылку водки. Поел и выпил. А потом завалил хозяйку квартиры на кровать и до утра так «любил», что соседи возмущенно стучали в стену.

Завидовали!

Егор много врал женщине в письмах. Начиная от статьи, по которой был осужден, заканчивая своими планами на будущее. Говорил, что работал краснодеревщиком и собирается вернуться к профессии. К ней, Танечке, приехал на несколько дней, чтобы познакомиться. А потом, если все у них сладится, он заберет ее к себе в город (который находился всего в двухстах километрах), и будут они жить-поживать и добра наживать.

Прожив у Тани неделю, он стал собираться домой. А точнее, делать вид. За эти дни он подарил ей столько чувственного наслаждения (прав был Мастер – после семи лет заключения даже на медведицу залезешь, особенно после водки), что женщина даже похорошела. Щечки розовые, глазки горят. Да Егор еще в доме ее кое-что поделал. Ящики отремонтировал, что болтались на одном шурупе, унитаз подтекающий починил. И красивое блюдо вырезал из фанеры. Для хлеба или печенья.

И Таня его не отпустила! Побоялась, что он ее забудет. Такой молодой, красивый, горячий, умелый... Да его на части разорвут женщины. И что, что сидел? По глупости же попал. Но зона его не испортила. Вон какой интеллигентный, добрый. Только выпивает часто. Но не дурет же. Лишь ласковее становится!

И остался Егор у Тани. Она устроила его в мебельную мастерскую. Там он сначала очень ценился как работник. Руки золотые! Но потом характер сказался. Полезло из Егора привычное дерьмо. Стал конфликтовать с начальником. Пока не набил ему морду и не был изгнан с работы.

Тане тоже доставалось. Егор перестал с ней церемониться очень скоро. Видел, что она влюблена по уши и будет терпеть его. А еще она хочет ребенка. И все удивляется, почему не может забеременеть. А Егор после своих наркоманских угаров стерильным стал, но об этом он Тане, конечно, не говорил. Пока он в ней нуждался.

К героину Егор не вернулся. Да и водку хоть и пил, но не допьяна. Не как раньше. В другом кайф нашел. В творчестве. Таня учителем рисования была по образованию. Когда-то в школе работала (потом на фабрику мебельную ушла декоратором), и в ее доме было много книг по искусству. Егор их листал. И наткнулся как-то на статью, посвященную архитектору Гауди. Едва глянув на фотографии его работ, он понял, какие именно образы вертелись в его голове. Строения Гауди напоминали природные творения. То ли колонна, то ли тропическое дерево, обвитое лианой. То ли окно, то ли пролом в скале. То ли купол, то ли гигантский гриб. Вот и Егору хотелось создавать деревянные скульптуры, которые... сразу и не поймешь, человеком ли сделаны или над ними сама матушка-природа поработала.

И он начал творить! Таскал из леса пеньки да сучья и отсекал, отсекал все лишнее...

Первой родилась фигурка олененка. Когда Таня взглянула на нее, она воскликнула:

– Какое дивное деревце! – И только потом рассмотрела, что, кроме растения, есть еще и животное. Стройный олененок притаился за стволом, положив мордочку на одну из веток.

Потом была женщина, купающаяся в водопаде. Гном, прячущийся в скале. Застывший в янтаре жук. Все из дерева. И на первый взгляд все творения Егора казались лишь хорошо отшлифованным, облагороженным куском древесины. Корягой причудливой формы. Но стоило сфокусировать взгляд, как начинали вырисовываться детали...

– Тебе нужно выставиться! – сказала как-то Таня. – Это же настоящее искусство.

– Да разве я пробьюсь?

– Я помогу.

– Как?

– Я училась на художника, если помнишь.

– На учителя рисования, – поправил Егор. Но Таня не слушала:

– В моей группе был мальчик. Очень талантливый. Не поступил в Строгановское, пошел к нам, в пед. Сейчас он известный не только в городе, но и в России художник. Я обращусь к нему. Он мне не откажет.

– С чего бы?

– Я была его первой любовью.

И все получилось! Бывший Танин воздыхатель устроил Егору выставку. Посмотрев на его работы, одобрил, но сказал, что этого мало, надо как минимум два раза по столько. Создать еще десять работ для Егора труда не составило. А пока он творил, Таня кормила его и поила.

В том числе иногда водкой, потому что трезвый он на нее как на женщину не смотрел, только на свои деревяшки. Но стоило Егору выпить, как он преображался. Переставал быть просто мастером, в нем еще и мужчина просыпался.

Выставка прошла на ура. У Тани оказался еще знакомый журналист. Он написал статью о тюремном самородке (Егор не стал скрывать, что сидел), и люди захотели посмотреть на его работы. К концу выставки на каждой появилась табличка «Продано». Дальше – больше. Егору стали поступать заказы от богатых людей. Многие хотели украсить его скульптурами свои шикарные дачи и охотничьи домики – они идеально в них вписывались.

Егор начал зарабатывать приличные деньги. На первый гонорар купил Тане шубу и плазменный телевизор, о котором она мечтала. После чего бросил ее и ушел к другой. Молодой, красивой, яркой. Такой, о какой всегда мечтал. Но долго он с ней не прожил. Девушка мешала работе и тянула из него деньги. Егор был погруженным в творчество и жадным, потому ушел и от молодой.

Но одному жить тоже не хотелось. Убираться, готовить, стирать, искать женщину для секса, когда приспичит, самому себе говорить, какой он гениальный. Егору требовалась сожительница. Такая восторженная, порядочная и домовитая, как Таня, но молодая и привлекательная. К огромной радости Егора, такая отыскалась довольно быстро. Дочка одного из его заказчиков. Хорошенькая двадцатидвухлетняя девица, влюбленная в его творения, сама захотела с Егором познакомиться. И как только увидела его, сразу влюбилась и в самого мастера. Через две недели он уже жил у нее в шикарной трешке, подаренной папой. Новая избранница Егора была безалаберной, но это вовсе ее не обесценивало, поскольку за порядком в доме следила домработница, она же и готовила.

Это было счастливое время! Егора все устраивало до тех пор, пока девушка не предложила ему узаконить их отношения.

– Жениться? – ужаснулся Егор. – Зачем?

– Я хочу нормальных отношений.

– А они разве ненормальные?

– Нет. Нормальные – это законные. А еще я хочу свадьбу. И путешествие! На Мальдивы.

– Какие Мальдивы? – начал закипать Егор. – Я невыездной!

– Папа все уладит, – беспечно фыркнула барышня. – Так что давай уже делай мне предложение. Кольцо я выбрала и отложила. Можешь съездить купить и завтра за ужином в ресторане преподнести его мне. В бокал класть не надо. Лучше в коробочке!

Она была милой романтической дурочкой. И это Егору нравилось. Вот только женитьба в его планы не входила. Вечером, когда любовница убежала на фитнес, он собрал вещи и съехал. Была у него в запасе одна поклонница. Взрослая, обеспеченная, интересная внешне, а главное, не помешанная на браке после двух скандальных разводов. Плохо только, что жила она с двумя детьми. Но Егору было не до жиру, как говорится, быть бы живу.

С этой женщиной он прожил еще меньше. Не поладил с ее детьми. В итоге ушел. По-английски, как обычно. Но сначала занял у нее крупную сумму якобы на аренду выставочного зала, хотя в деньгах не нуждался. Имел два счета банковских. Но разве бабки бывают лишними?

Он вернулся в родной город, не потому что соскучился по родителям или хотел помириться. Нет, он собирался отсудить у них часть квартиры. Чтоб жизнь им медом не казалась. Избавились от сынка, выгнали из дома да забыли (передачки – не в счет, они как подачка). А вот я напому о себе! Натэ, получите приветик от Егорки!

Поселился он в кои веки не у кого-то, а на съемной квартире. Цены в городе были смешными, вот он и не пожадничал. Хотелось отдохнуть немного от баб и поработать. Егор решил немного поэкспериментировать. Начать создавать скульптуры из глины. Он знал, где ее брать.

Детьми они набирали ее в оврагах и лепили всевозможные фигурки. Девочки куколок и животных, а пацаны пистолеты да танки.

Материал был хороший, податливый. Но почему-то не работалось с ним так, как с деревом. Егору не хватало идей. Из грубого материала он создавал нежные скульптуры. Из мягкого же хотел ваять нечто brutальное, даже агрессивное. Но не знал – что...

Пока не оказался в комнате с черным потолком...

Смерть стала его вдохновением!

Глава 4

Он с трудом открыл глаза. Веки слиплись, будто ресницы намазали клеем «Момент». Он знал, что это такое. Как-то в детстве, когда он отдыхал летом в загородном лагере, с ним сыграли злую шутку. Мальчики и девочки ночами наведывались друг к другу в спальни, чтобы измазать лица спящих зубной пастой. Обычно просто закорючки рисовали. Но иногда писали короткие, но обидные слова на лбу или щеках. Например, лох. Или – коза. Егор же пошел дальше. И выводил пастой на лицах девочек слова другого порядка – матерные. Особенно одной доставалось, Вале. Она Егору нравилась, но не обращала на него внимания, и он мстил ей за это. И вот когда пришел черед девочек мазать мальчиков, Валя взяла и вылила на веки Егору клей. Глаза тут же защипало. Он начал тереть их, и стало только хуже. Ресницы слиплись. Слезы текли ручьем...

Вот как сейчас!

Егор обозрел пространство. Сначала картинка было размытой, но он, поморгав, смог сфокусировать зрение. Все то же помещение, те же лица, вот только на одном из них нет привычного апатичного выражения. Оно напряжено, взволнованно и... радостно, что ли? Как у ребенка, который развязывает ленту на подарке. Он сосредоточен, нетерпелив и доволен оттого, что совсем скоро увидит содержимое коробки.

– Красавчик, ты чего это? – спросил Егор у парня, похожего на манекенщика. Именно его лицо привлекло внимание.

– Наручники, – возбужденно выпалил он. – Я могу снять их...

– Да ладно, – не поверил Егор. Он бесчисленное множество раз пытался сделать что-то со своими.

– Тут шуруп разболтался один. Пытаюсь его выкрутить...

Услышав их разговор, голову подняла блондинка с аллергией. Ее красные глаза оживились – в них заблестела надежда.

– Все равно это ничего не даст, – проговорила барышня с русыми волосами, которая постоянно спала. Или делала вид. Она и сейчас сидела с закрытыми глазами.

– Все! – вскричал красавчик, разомкнув руки.

– Ничего себе! – восхитился Егор. – А теперь отвязывай веревки на ногах. Только быстро.

Тот принялся освобождать щиколотки. Через пару минут веревки упали на пол. Красавчик встал со стула.

– Боже, как хорошо-то, – простонал он, с хрустом потянувшись.

– Хватит потягиваться, – рыкнул на него Егор. – Освобождай нас!

– Каким образом он это сделает? – заныла спящая некрасавица.

– Да заткнись уже! – И Егор снова обратился к парню: – Найди что-нибудь острое. Попробуем взломать замки на наручниках.

– Острое? – Парень стал озираться. – Но тут нет ничего...

– Есть нож!

– Где?

– Где-где? Торчит в груди жмурика. Вытащи его.

– Нет, я не смогу, – замотал головой красавчик.

– Хватит уже вести себя как кисейная барышня, будь мужиком.

Тот, закусив губу, прошел к трупу, взялся за рукоятку ножа, потянул...

– Не могу вытащить, – сказал сдавленно.

– Напрягись!

– Подними ногу, – вступил в разговор мужик, сидящий рядом, остряк, который маньяка Дартом Вейдером назвал, – упрись ею в грудь покойника и с силой выдерни нож.

Бедный красавчик едва чувств не лишился, услышав эту фразу. Но надо отдать ему должное, взял себя в руки и проделал все точно по инструкции. Когда нож оказался в его руке, он отбежал от покойника и стал нервно почесываться. Егор сам в периоды эмоционального напряжения ощущал зуд. И иной раз до крови раздирал тело. Поэтому он понимал парня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.